

ВАСИЛИСА МЕЛЬНИЦКАЯ

ДОЧЬ ВРАГА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ГИМНАЗИСТКА

Василиса Мельницкая

**Дочь врага Российской
империи. Гимназистка**

«Автор»

2026

Мельницкая В.

Дочь врага Российской империи. Гимназистка / В. Мельницкая —
«Автор», 2026

Меня сожгли на костре в мире, где одаренные магией вне закона. Однако богам выгодно, чтобы я начала новую жизнь: в другом измерении, в другом теле. Теперь я дочь государственного преступника, нищая сирота с клеймом позора. Мой род уничтожен, имущество конфисковано, имя запятнано. Но, заключая сделку с богами, я поклялась доказать, что мой отец невиновен. На войне за честь рода все средства хороши. Враги пожалеют, что связались с ведьмой! Книга первая. **ВНИМАНИЕ! ЕСТЬ УПОМИНАНИЯ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ. ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ.**

© Мельницкая В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	36
Глава 12	39
Глава 13	43
Глава 14	46
Глава 15	49
Глава 16	51
Глава 17	54
Глава 18	57
Глава 19	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Василиса Мельницкая Дочь врага Российской империи. Гимназистка

Глава 1

Огонь лизнул мои босые пятки. Я дернулась, и веревки больно впились в тело. Они, в отличие от пламени, были настоящими.

Гуманная, черт побери, казнь?! Мне вынесли смертный приговор лишь потому, что я захотела остаться собой, не отказалась от дара, посмела воспользоваться силой ведьмы. И ведь ничего плохого не сделала! Никому не причинила вреда, не желала зла. Наоборот...

Языки пламени плясали на уровне талии. И голова стала тяжелой. Яд в крови тоже настоящий.

«Ты ничего не почувствуешь».

Ложь. Я чувствую обиду. Я не понимаю, почему люди, одаренные магией, вне закона. Не понимаю, отчего нас считают проклятыми. Магия – это не добро и не зло. Светлой или темной ее делают люди.

Малыш, заливающийся счастливым смехом, должен был умереть. Ямочки на розовых от мороза щеках. Прядка белокурых волос, выбившаяся из-под шапки. Чистый невинный взгляд. Это врезалось в память так же отчетливо, как и огромная сосулька, сорвавшаяся с козырька крыши. Никто не успел бы помочь. И у женщины, везущей санки, матери или няни, не хватило бы времени отреагировать на крик. И я стояла слишком далеко, чтобы оттолкнуть санки с опасного места.

Но я могла отшвырнуть в сторону сосульку, изменить траекторию ее падения. Всего лишь одно движение руки и...

Мне не повезло. Рядом, как назло, оказался охотник. Он почувствовал всплеск силы, меня вычислили и нашли по записям с уличных камер. И приговорили к смерти. Не потому, что я спасла малыша. Потому что я – ведьма.

Ведьму положено жечь на костре. Чем страшнее казнь, тем меньше желающих последовать дурному примеру. Однако судьи приняли во внимание спасенную жизнь. Я умирала не от огня, а от яда, привязанная к деревянному столбу. Языки пламени, пожирающие мое тело – всего лишь иллюзия, голографическая проекция.

Мысли путались.

«Будьте вы все...»

- Эй-эй, поосторожнее с желаниями, детка! - перебил меня кто-то, не позволяя закончить проклятие. – Здесь они могут и исполниться.

Голос мужской, незнакомый. Вроде бы источник звука... справа? В глаза ударил яркий свет, и я зажмурилась, не успев рассмотреть говорившего.

- Вел, ты кого притащил?

Другой мужчина? Его голос глубже, раскатистее, мощнее.

- Понятия не имею, - ответил первый. Видимо, тот самый Вел. – Мара попросила помочь, сопроводить душу.

- И с каких пор ты на побегушках у Мары?

Я попыталась открыть глаза. Безуспешно. Свет слепил. И пошевелиться не удавалось. Сопроводить душу? Это меня, что ли? Выходит, мифы и легенды не врут, после смерти душа

попадает... Вот куда-то, да попадает. Или все гораздо проще. Яд добрался до мозга, и у меня галлюцинации.

- Мальчики, не ссорьтесь. – В разговор вступила женщина. – Свят, Мара и меня просила помочь. Тут... взаимный интерес. Маре жаль девочку, а Триглаву, вроде бы, нужен кто-то... для восстановления справедливости.

- Так это же ба... - Свят осекся и откашлялся. – Девка.

- А ты хочешь, чтобы мы в тело девочки мужчину подселили? – рассердилась женщина. – Извращенец!

- Полегче, Лель! – рявкнул Свят. – Чем эта девка лучше той?

- Она ведьма!

- Я это... пойду, пожалуй, - сказал тот, кого звали Велом.

- Стоять! – рявкнули хором Свят и Лель.

- Я не при делах, - возразил Вел. – Сами разбирайтесь.

- Судьбу этой души... - Подозреваю, что тут Свят ткнул пальцем в меня. – ...решит Триумвират. Третьим будешь.

Триумвират – союз трех мужей? Логично, что Мара и Лель вне игры.

Мара... Лель... Триглав...

Что-то знакомое.

Свят... Святогор? А Вел – Велес. Меня занесло в пантеон славянских богов? Забористая, однако, галлюцинация.

- Вот чего она? – В голосе Вела послышалась обида. – Галлюцинацией обзывает...

Лель хихикнула.

- Она нас слышит?! – воскликнул Святогор.

И наступила тишина.

Следующее «включение» с уверенностью можно назвать судьбоносным. Очнулась я как-то внезапно, без перехода между сном и явью, без шума в ушах и рези в глазах, без тошноты и головокружения. Беседка, увитая виноградной лозой. Аромат спелых гроздьев «Изабеллы». И женщина, сидящая напротив меня. Лель?

- Мара, - представилась она.

Черные волосы заплетены в косу, небрежно перекинутую на плечо. Сарафан с красными маками. Ремешки босоножек оплетают ноги до середины голени. Разве Мара... не богиня смерти? Ей положено быть мрачной, холодной. А эта...

- Ты мыслишь шаблонно, - сказала Мара.

Похоже, они тут все телепаты.

- Смертные громко думают. Яромила, ты должна выбрать. Жизнь или смерть?

- И в чем подвох? – поинтересовалась я.

Странно, но никаких эмоций я не испытывала: ни страха, ни любопытства. Возможно, потому что уже умерла? И если мне предлагают выбрать между жизнью и смертью, то навряд ли жизнь будет легкой и беззаботной.

- В обязательстве, что ты на себя возьмешь. Обычно мы не вмешиваемся в людские судьбы. И такая замена... Она легко выполняема, технически. Однако последствия могут быть...

Мара юлила, тщательно подбирая слова. Замена? Я все еще не понимала, чего от меня хотят.

- Это другой мир. И другая жизнь. Не твоя. Ты умерла в своем мире. И та, другая, тоже умрет, если ты не займешь ее место. То есть... у тебя есть шанс выжить, у нее – нет.

Ага, кое-что проясняется. Известный сюжет книг и фильмов в жанре фантастики. Некто умирает, но не совсем. Он перемещается в другой мир, в другое тело, и там...

Нет, это все же галлюцинации. Предсмертные.

- Да хоть бы и так. – Мара улыбнулась. – Можешь считать происходящее сном или игрой воображения. Принципиально лишь твое согласие.

Собственно, а что я теряю?

- Что конкретно я должна сделать? Выжить?

- Выжить, - согласилась Мара. – И доказать невиновность... одного человека.

- В чем его обвиняют?

- Жизнь или смерть? - перебила меня Мара. – Ты все узнаешь... в свое время. Если выберешь жизнь.

Можно подумать, тут есть из чего выбирать!

- Жизнь, - сказала я.

- Этого достаточно.

Беседка исчезла, Мара – тоже. Я не уловила момент перехода. Моргнула и...

Жар. Запах гари. Боль.

Это обрушилось на меня, заставило скорчиться... на земляном полу. Болело все тело, будто меня избили, переломав кости. Огонь не бушевал вокруг, но был близко. Я его чувствовала. Лопнуло стекло в небольшом окне, занялась огнем солома, сваленная в углу.

И это, по мнению Мары, жизнь?! Из огня виртуального меня сунули в огонь реальный. Да я вот-вот сгорю в каком-то сарае! Ни пошевелиться не могу, ни закричать. И дара своего не чувствую.

Я попыталась встать, преодолевая боль, но добилась лишь тьмы в глазах. Последнее, что запомнилось, треск падающих досок и низкий мужской голос, поминающий бесов и исчадий ада.

Глава 2

Хотелось пить.

Приятное чувство. Если меня мучает жажда, значит, я жива. Во всяком случае, хотелось в это верить.

А вот боли или иного дискомфорта я не испытывала. И это странно. Если меня избили и бросили в огонь, должны остаться синяки и ожоги? То есть, не у меня, а...

Нет, уже у меня. Беседу с богиней Марой я помнила ясно и четко.

Как и то, что зовут меня Яромила Морозова, и мне семь лет от ро...

Стоп! Как... семь? И имя... имя... и мое, и не мое! Одновременно!

Я распахнула глаза, забыв, что хотела притворяться спящей до того момента, как приведу мысли в порядок. Впрочем, в комнате никого и не было.

Или в палате? Светлые стены и потолок, широкое окно без штор. Стекла снизу закрашены светлой же краской. Пустая кровать у окна. Вторая – моя, у противоположной стены. Все это я смогла рассмотреть при свете тусклой лампы, стоящей на тумбочке у кровати. За окном – ночь.

Почему я решила, что это палата? Я ведь как-то лежала в больнице. Там на окнах висели жалюзи, на стене – телевизор, и кровати были другими, и тумбочки. Может, из-за запаха? Он больничный, лекарственный, замешанный на ядреной хлорке. Или, потому что Яромила здесь не впервые.

Яромила. То есть, я.

Я посмотрела на свои руки. Маленькие, детские, с неряшливо обломанными ногтями на тоненьких пальчиках. Ощупала лицо, хоть это и не помогло мне представить, как я выгляжу.

Меня все так же мучила жажда, а ощущение нереальности происходящего... притуплялось.

Яромила Морозова. Семь лет. И... всё. Кто я? Кто мои родители? Как я попала в горящий сарай? Ничего из этого я не помнила. Вернее, не знала. А моя прошлая жизнь... ускользала.

Как меня звали? Яромила? Возможно. Но не Морозова, нет. И уж точно я не была ребенком. Возраст? Двадцать пять. Или двадцать семь? Я попыталась сосредоточиться. Кем я была? Ведьмой. Определенно. Но дар приходилось скрывать. Я - медсестра? Нет, но... связь с медициной... Провизор! Профессия позволяла мне варить зелья, не вызывая подозрений. Я жила... жила... одна? С родителями? С мужем?

Я потеряла виски. Странные ощущения. Будто воспоминания стираются. Но не все. Все, связанное с ведьмовским даром помню хорошо. И казнь. И беседу с Марой. Возможно ли, что все это привиделось Яромиле Морозовой? Приснилось?

Нет. Я не ощущала себя ребенком. Скорее, сумасшедшей.

Хотелось пить. И еще – взглянуть на себя в зеркало.

Босые ноги коснулись холодного пола. Тапочек у кровати не оставили. А одета я в пижаму из тонкой ткани в цветочек: штаны на завязочках, на рубашке не хватает пуговицы.

Дверь не заперта. Я выглянула в пустой длинный коридор. И темный. Вдалеке светилась единственная лампа. Кажется, на медсестринском посту.

Мне туда.

Шла я осторожно, прислушиваясь. И не сказать, что страшно, просто все еще непонятно, чего ждать от этого места. Впрочем, страшно тоже. Незнание пугало.

- ...ребенок, - донесся до меня приглушенный мужской голос. – Она не может отвечать...

Конец фразы я пропустила мимо ушей, обрадовавшись, что понимаю говорящего. Сомнения были, все же мир другой, если верить Маре. Насколько он похож на мой, я не знала.

Я пошла на голос, и вскоре остановилась перед дверью с надписью «Ординаторская». Значит, и читать на местном языке я умею.

- И все же, я настаиваю. – Мужской голос теперь звучал четче. – Это нарушение... - Пауза. – Да о чем вы! – Пауза. – Нет. Я составлю отчет и отправлю жалобу. – Пауза. – Да.

Кажется, мужчина говорил по телефону. Я потянула за дверную ручку, намереваясь войти в ординаторскую.

- Ты почему не спишь?

Я взвизгнула от испуга. Хотя, нет, не я, а маленькая Яромила. Я же мысленно поморщилась, так мне не понравился собственный голос. Тоненький, писклявый.

- Не шуми, - строго сказала незаметно подошедшая медсестра. – Из какой ты палаты?

- Я... - С этим кошмаром надо что-то делать! Я откашлялась. – Я пить хочу. Сильно.

Получилось так себе, но все же лучше, чем писк полудохлой мыши.

- погоди... Ты из седьмой, что ли? – медсестра ахнула. – Зачем встала? И... как?!

- Что тут происходит?

На шум вышел мужчина, чей голос я слышала из-за двери.

- Вот, Николай Петрович, ваша пациентка, - несколько растерянно произнесла медсестра. – Разве она не должна спать после того, как...

- Мария, - сердито перебил ее Николай Петрович. – Разве не ты должна следить за порядком в отделении? Вечно вы спите на дежурстве!

Николай Петрович хоть и выглядел грозно, но мне страшным не показался. Он был немолод. Если время течет здесь так же, как и в моем мире, то навряд ли ему меньше пятидесяти. Немного седой, с первыми морщинами на круглом лице, в круглых же очках и белом халате, он чем-то напомнил мне... доктора Айболита, доброго персонажа из детской книжки. Правда, доктор Айболит лечил зверей.

Странно. Я помнила сказку, но не могла понять, кто ее читал: я в прошлой жизни или маленькая Яромила в этой.

- Мила, детка, ты чего-то хотела?

Николай Петрович наклонился ко мне, взял за плечо, и промелькнувшее воспоминание исчезло без следа.

- Воды, - вздохнула я.

И поджала босую ногу. Все же пол холодный.

- Мария, подогрей молока, добавь туда ложку меда и принеси в палату. Мед в шкафу, в ординаторской.

- А молоко у нас из крана идет, вместо воды! - всплеснула руками Мария.

Николай Петрович бросил на нее такой взгляд, что даже у меня по коже побежали мурашки.

- Сейчас все сделаю, Николай Петрович, - пробормотала Мария, бросаясь прочь.

- Хватило бы воды, - сказала я, глядя ей вслед. – Правда, очень пить хочется.

- Молоко сейчас полезнее.

Николай Петрович вдруг подхватил меня на руки.

- Я сама...

- Босиком. Простудишься, - коротко произнес он, размашистым шагом идя по коридору. И добавил, уложив меня на кровать: - Лучше бы ты не вставала, Мила. Вот же кнопка вызова персонала.

Кнопка, и правда, была. Я ее не заметила.

Николай Петрович зажег верхний свет, поставил рядом с кроватью невесть откуда взявшийся стул. Его я тоже не заметила? Положил ладони на мои ступни.

Из рук его полилось тепло. Ощутимое, обволакивающее.

- Вы... колдун? – вырвалось у меня.

- Колдун? – Он улыбнулся. – Можно и так сказать.

- Но как же... вы же... вас же...

Меня охватил ужас. Как он не боится так открыто использовать магию? Пусть Яромила ребенок, но вот-вот в палату придет медсестра.

- Что тебя так напугало? – спросил Николай Петрович, слегка нахмурившись.

«Любой врач – маг. – Я словно услышала шепот в своей голове. – Быть магом – не преступление».

Кажется, мне повезло с миром.

- Я... я ничего не помню, - сказала я вслух. – Почему я здесь? Что произошло? И где... где мои... родители?

Надеюсь, у Яромилы есть родители. Хотелось, чтобы мои вопросы звучали естественно. Это же нормально, когда семилетний ребенок интересуется, где его мама и папа?

Николай Петрович не ответил. И погрузился. Зато он явно обрадовался, когда в палату влетела медсестра с кружкой молока.

- Вот, Мила. Пей и спи, - сказал он, протягивая мне кружку. – Память вернется. Постепенно.

Такой ответ удовлетворил бы маленькую девочку, но не меня. Я замечала то, на что ребенок не обратил бы внимания. Врач определенно не хотел говорить со мной ни о родителях, ни о причинах болезни. Кстати, какой? Я чувствовала себя превосходно. А еще я помнила горящий сарай и боль. Но...

- Хорошо, - послушно произнесла я.

Не стоит спешить. Все, что меня интересует, я узнаю. Постепенно. Сейчас же можно напиться сладкого молока и поспать. Глаза уже слипались, веки тяжелели. И, наверняка, не от молока с медом.

Глава 3

Теперь Мара пришла в палату. Или мне это приснилось?

За окном едва брезжили утренние сумерки. Все в том же сарафане и босоножках Мара расположилась на подоконнике, закинув ногу за ногу.

- У меня мало времени, - сказала Мара. – Ночь уходит. Не задавай глупых вопросов.

Когда кто-то владеет информацией, то любой вопрос от несведущего покажется глупым. Я же, и вовсе, чувствовала себя то ли потерянной, то ли сумасшедшей. Возможно, и тем, и другим в равной степени.

Я села, свесив ноги с кровати.

- Память... стирается, - произнесла я. – Так и задумано?

- Сейчас это необходимо. – Мара поморщилась. – Разум приспособляется к новым условиям. Ты не сможешь обработать всю информацию сразу, сойдешь с ума. Ты ведь, и так, порой считаешь себя сумасшедшей.

- И что в итоге? Я забуду себя и стану ребенком?

- Какой в этом смысл? – Мара повела плечом. – Тогда не стоило заморачиваться с переселением души.

- Тогда... уйдет девочка?

- Она уже ушла. Умерла там, в сарае. До того, как ее вынесли из огня. Тебе нужны ее воспоминания. Будет легче адаптироваться.

- Она... особенная?

Должна быть причина. Допустим, меня выбрали, потому что подходила по каким-то параметрам, понятным лишь богам. Но почему спасли ее? Почему Маре, да и не только ей, важно, чтобы Яромила Морозова жила?

- Обычная, - ответила Мара. И уточнила: - Была обычной.

- Тогда почему? – настаивала я. – Почему она?

- Я могла бы соврать, что это моя прихоть. – Мара улыбнулась, кокетливо поправляя бретельку сарафана, сползшую с плеча. – Но и всей правды сказать не могу. Боги редко вмешиваются в жизнь смертных.

Это я уже слышала.

- Всякий раз есть веская причина, - добавила она. – Тебе не нужно о ней знать.

Что ж, настаивать бессмысленно. Осталось выяснить то, что знала лишь Мара.

- Кого я должна спасти?

- Приятно, что ты помнишь об обязательствах, - сказала она. – Его ты уже не спасешь. Его казнили... некоторое время назад. Казнили, как государственного преступника, объявили врагом империи. Но его обвинили в том, чего он не совершал.

- Подставили? – спросила я. – Или ошиблись?

- Это ты выяснишь. И найдешь доказательства его невиновности. Восстановишь его имя, его род. Вернешь все, что ему принадлежало.

- А я... справлюсь?

- Только попробуй не справиться. – Мара вновь улыбнулась, но теперь как-то недобро. Зловеще. – Не разочаровывай меня, Яромила.

Мое имя она произнесла по слогам. И голос ее стал похож на шипение змеи.

- Но я ребенок, - напомнила я.

Так, на всякий случай. Мало ли...

- Вырастешь. Выучишься. Учись хорошо, Яромила. Прилежно. И не рассчитывай на мою помощь. Если не справишься, другого шанса у тебя не будет.

- Вы определенно уверены, что я буду стараться. – Я смотрела на Мару без страха. Трудно испугать того, кто уже умер. – Есть сроки? Или еще какие-то условия?

- Определенно будешь, - кивнула Мара. – И... нет. Я не нагряну к тебе с проверкой. Ты будешь стараться, потому что у тебя нет выбора. Ты будешь стараться *для себя*.

И все же хотелось бы знать, отчего такая уверенность...

- Твой отец, Яромила.

Быстро же я забыла о телепатии. Но... мой отец? Мой?! Да я его в глаза не видела! И вообще, как...

- Отец Яромилы Морозовой, - произнесла Мара. – В конце концов, прими уже тот факт, что она – это ты. Кое-что вспомнишь. Остальное узнаешь... - Она задумалась. – Да хоть из газет. Или тебе напомнят... добрые люди. Ты – дочь врага Российской империи. К слову, уже не Морозова. Ваш род полностью уничтожен. Ты последняя, Яромила. И поверь, есть те, кому сильно не нравится тот факт, что тебя пощадили.

Очевидно, «добрые люди» - это те, что пытались сжечь меня в сарае. И... Российская империя. К черту подробности, какой теперь год?!

- Увидимся, когда ты справишься с заданием, - пообещала Мара, легко соскакивая с подоконника. – Не рассчитывай на помощь богов. Мы сделали для тебя все, что могли. Разве что...

Она подошла и поцеловала меня в лоб. Я невольно отпрянула.

- Вел просил передать, - насмешливо произнесла Мара. – А это... - Еще один поцелуй. – Это удалось выпросить у Свята. И, пожалуй, самое бесполезное, но от чистого сердца – от Лель. Ее губы коснулись моего лба в третий раз.

- Воспользуешься дарами, когда придет время, - пообещала Мара.

Она подмигнула мне и исчезла. Растворилась с первыми лучами восходящего солнца.

Я ущипнула себя за руку. Однако, больно. Я не сплю.

Внезапно я поняла, что верить или не верить Маре – вопрос решенный. Я уже поверила, уже приняла решение. И теперь попросту глупо сомневаться в реальности происходящего.

Упав на подушку, я долго пялилась в потолок. Просто так, без всяких мыслей. А потом...

Российская империя или Римская – без разницы. Мне придется выживать в ином мире и в ином времени. Позаботиться обо мне, похоже, некому. Значит, я сама о себе позабочусь. И проблемы буду решать по мере их поступления.

В коридоре хлопнула дверь, гроыхнуло чем-то металлическим. Я завернулась в одеяло, закрыла глаза и притворилась спящей.

Первый этап – сбор информации. Пока воспоминания разрозненные и нечеткие, придется вести себя осторожно. Николая Петровича не удивляет потеря памяти, значит, часть нелепостей, которые я, безусловно, совершу, можно списать на нее. Главное, не расслабляться. И понять уже, наконец, где я нахожусь. В смысле, какая она... Российская империя.

Начало дня прошло бестолково. Утренние процедуры, завтрак – все, как в обычной больнице. В деталях разница чувствовалась. Тот же завтрак: пшенная каша, кусок масла, кусок белого хлеба, сладкий чай. В моем мире его принесли бы в палату, каждое блюдо – в отдельном контейнере, чай – в пакетике. И заваривать его я отправилась бы к кулеру. Здесь же...

Медсестра принесла мне тапочки и байковый халат, расчесала волосы и заплела их в косу, отвела в столовую. Там мне выдали кашу в тарелке, подтаявший кусочек масла и ломтик батона на блюде, а чай налили в жестяную кружку из такого же жестяного чайника с носиком. Кажется, Российская империя несколько отстала в развитии от моего родного мира. С другой стороны, я легко узнала и кашу, и масло, и чай. И вкус у них был такой же, как в моем мире.

- Новенькая? – спросила соседка по столу, сероглазая блондинка с бледной прозрачной кожей.

Я кивнула, наворачивая кашу. Есть хотелось так же сильно, как ночью – пить.

- Мура, - представилась она, размазывая свою порцию по тарелке. – Тебе сколько лет? Мне двенадцать.

Я чуть не поперхнулась кашей. Выглядела она от силы на восемь. Или на девять, с натягом.

- Яромила, - все же ответила я. – Семь.

Воровато оглядевшись, Мура предложила:

- Хочешь добавки?

- А можно? – От добавки я не отказалась бы, но что-то подсказывало, что в больничной столовой мне ее не получить.

- Ага. Поменяемся тарелками, пока никто не видит.

Я не согласилась бы. Мура определенно плохо питалась. Не знаю, по какой причине, но выглядела она заморышем. Отбирать у таких еду, даже по их желанию... как-то некрасиво.

Но Мура уже вцепилась в мою опустевшую тарелку, потянула ее к себе, подпихивая мне свою.

- Как не стыдно!

Возле нашего стола материализовалась медсестра. Не подошла, а именно выскочила откуда-то, как черт из табакерки.

- Яромила, нельзя отбирать еду у слабых! – Ее голос звучал громко, звонко, и все присутствующие обернулись в нашу сторону. – Немедленно отдай тарелку Мурочке!

У меня челюсть отвисла от такой наглости. То есть, я еще и виновата? Да я пальцем не прикоснулась к чужой тарелке!

Мура молчала, отвернувшись. Подставила – и в кусты.

- Я ничего не отбирала, - четко произнесла я. – Если не верите, поищите на тарелке отпечатки моих пальцев. Их там нет!

Последнее, пожалуй, лишнее. Что, если в этом мире ничего не знают о дактилоскопии? К тому же, оболганный ребенок семи лет навряд ли будет так оправдываться. А, ладно! Если что, скажу, что люблю детективы. Имею право.

- Она не брала, - вдруг сказал кто-то за моей спиной. – Мурка опять есть не хочет. Я все видел и слышал.

Обернувшись, я увидела мальчишку, такого же пациента, как и остальные дети. Старше меня года на два или три, во всяком случае, внешне. Темноволосого и... симпатичного.

- Да? – Медсестра растерялась, но на своей правоте не настаивала. – Хорошо, Матвей. Я тебе верю. Спасибо. – И опять обратилась ко мне: - Яромила, прости, пожалуйста. Доедай и возвращайся в палату. А ты... - Теперь она повернулась к Муре: - Или съешь все сама, или придется кормить тебя через трубку.

Губы Мury задрожали, по щекам покатались слезы. Я поспешила запихнуть в рот бутерброд, чтобы избежать душераздирающей сцены. Терпеть не могу больницы! И больных детей! И...

- У нее анорексия. Знаешь, что это такое?

Я обнаружила, что стою в коридоре, у окна, обеими руками вцепившись в подоконник. Да так крепко, что костяшки пальцев побелели. А рядом – тот самый мальчишка, что спас меня от несправедливого обвинения.

- Знаю, - выдохнула я.

- Она уже идет на поправку. И она не злая. Ее проклинали.

- Мне это зачем?

Не хотелось быть грубой, но и вести беседу о чужой болезни, когда в своих проблемах не разобралась, выше моих сил.

- Не знаю, - ответил Матвей. Кажется, так его звали. – Может, так будет легче ее простить?

- Я не злюсь.

- Заметно, - усмехнулся он, кивнув на мои руки. – Или тебя тоже прокляли?

- Меня сожгли, - вырвалось у меня против воли.

Матвей побелел и отпрянул.

- Ты... та самая...

Веселая же меня ждет жизнь, если тут даже дети знают, кто я такая! Знают... и ненавидят. Впрочем, продолжить Матвей не успел.

- Мила, вот ты где! – К нам подошел Николай Петрович. – Пришел следователь, он хочет с тобой поговорить. Пойдем.

- Но я ничего не помню, - запротестовала я.

Только следователя и не хватает! Я еще ни в чем не разобралась!

- Пойдем, - мягко произнес Николай Петрович, беря меня за руку. – Ничего не бойся.

Глава 4

Следователя, лысого дядьку с пивным пузиком, определенно не интересовали подробности произошедшего. Он спросил, как меня зовут, и я ограничилась именем, памятуя о словах Мары, что я уже не Морозова. Его это вполне устроило.

- Расскажи, что случилось, - попросил он.

- Не помню, - ответила я.

- Совсем ничего?

Его голос звучал ровно и безразлично. Ни участия, ни удивления, ни раздражения. Ничего, что могло бы выдать отношение следователя ко мне. А взгляд он прятал. Не думаю, что специально. Скорее всего, не видел никакого смысла в том, чтобы на меня смотреть. Гораздо эффективнее сразу составлять протокол, чем он и занимался, используя подоконник вместо стола.

- Огонь помню, - сказала я. – И боль.

- Девочку доставили к нам в тяжелом состоянии, - вмешался Николай Петрович. – Два треснутых ребра, множественные гематомы, ожог верхних дыхательных путей...

- Я читал отчет, - перебил его следователь. К слову, он даже не представился. – С вами мы побеседуем позже. Сейчас я пытаюсь выяснить, что она помнит.

- Амнезия в ее состоянии вполне объяснима, - не унимался Николай Петрович. – Она скоро пройдет, и вы могли бы...

- Позвольте мне поговорить с девочкой, - перебил его следователь.

Треснутые ребра? Гематомы и ожоги? Горящий сарай мне не почудился. А медицина тут воистину чудодейственная. Я с уважением посмотрела на Николая Петровича. Ведь это он меня вылечил, никаких сомнений.

- Яромила, что последнее ты помнишь? Где ты была, что делала? – вновь обратился ко мне следователь.

- Ничего не помню, - вздохнула я. – Только имя.

Вот теперь следователь удостоил меня взглядом. И в нем я прочла снисходительную насмешку.

- Что ж, так и запишем, - сказал он, убирая в папку лист, на котором делал записи.

- Как? – растерялся Николай Петрович. – Уже все? – Следователь развел руками, выходя из палаты. – Мила, подожди, я сейчас вернусь.

Ждать я не стала, рванула следом. И правильно сделала. В коридоре было оживленно, и следователь с врачом вышли на лестничную площадку. Дверь, ведущая туда, находилась рядом с моей палатой. Я еще раньше поняла, по характерному запаху, появляющемуся время от времени, что там курилка.

Еще одна деталь, отличающая мой мир от этого. У нас давным-давно запрещено курить в больницах. А уж если бы кто-нибудь узнал, что медперсонал детской больницы дымит на лестнице, скандал с последующими увольнениями, вплоть до главврача, не заставил бы себя ждать.

Дверь открывалась без скрипа, и я легко выскользнула на лестничную площадку. Банка с окурками стояла у окна, на пол-этажа ниже, я же села на ступеньку чуть выше своего этажа.

- Послушайте... - Николай Петрович говорил тихо, но в лестничном колодце его голос разносило эхо. – Девочку жестоко избили и заперли в сарае. И этот пожар... Он же не случаен?

- Ведутся следственные мероприятия, - уклончиво ответил следователь.

- Кем бы она не была, это преступление против закона! – горячо произнес Николай Петрович. – Император лично подписал приказ о запрете преследования ребенка. Яромила – маленькая девочка. Она не отвечает за то, что совершил ее отец!

- Вы правы, - согласился следователь. – Но что вы от меня хотите?
- Чтобы вы нашли преступников, разумеется!
- Она ничего не помнит.
- Но есть же способ узнать, что она видела.
- Вы о ментальном допросе? Прокурор не подпишет разрешение.
- Почему?! – воскликнул Николай Петрович.
- Право слово... - Следователь понизил голос. – Вы не понимаете? Серьезно?

Наступила тишина. Я дернулась было к двери, подумав, что сейчас мужчины поднимутся, но Николай Петрович вновь заговорил.

- То есть, расследование будет формальным, - произнес он. – Потому что это никому не нужная сирота из проклятого рода.

- Вы и сами все прекрасно понимаете.

- Я наблюдаю за девочкой до завтра. И ее придется выписать. Она вернется в тот же приют?

- Скорее всего.

- И ее жизнь снова будет в опасности.

- Вы так печетесь о дочери преступника. – В голосе следователя послышался сарказм. – Не боитесь?

- Ничуть, - твердо ответил Николай Петрович. – И она... правнучка моего учителя.

- Который, к счастью, не дожил до позора, - добавил следователь. – Так позаботьтесь... о правнучке своего учителя. Чтобы ей не пришлось возвращаться в приют. Прошу прощения, мне пора.

Я успела улизнуть до того, как мужчины заметили, что их подслушивают.

Отличные новости. Я живу в приюте, и меня пытались убить. И, похоже, сочувствующих моему положению мало. Николай Петрович... и все. Может, стоит как-то поспособствовать тому, чтобы он забрал меня из приюта? Заманчиво. Но я ничего о нем не знаю. Он добрый человек, он лечит детей. Но этого мало.

Вскоре Николай Петрович вернулся в палату. Он заставил меня лечь и осмотрел. Сначала – не прикасаясь, водя ладонями над моим телом. А после стучал по грудной клетке, щупал живот, считал пульс, просил высунуть язык.

Мне показалось, что Николай Петрович хочет что-то сказать, но боится начать разговор. Помочь ему, что ли...

- Все в порядке, Мила, - наконец произнес он. – Ты здорова, завтра я тебя выпишу.

- Домой? – спросила я, воспользовавшись случаем. – А где мама? Почему она не пришла?

Не знаю, угадала я или нет, но на этот раз он не ушел от ответа.

- У тебя нет мамы.

Пришлось изобразить испуг и растерянность. Я не могла вести себя, как взрослый человек. Семилетний ребенок будет плакать, узнав, что у него нет мамы? Расстроится – определенно.

- И папы нет, - добавил Николай Петрович. – Ты еще вспомнишь, но... у тебя никого нет.

- К-как... - выдавила я.

И скорчила лицо, будто собираюсь заплакать.

Бездарная театральщина! Аж самой противно от этой фальши!

Но Николай Петрович поверил. Он привлек меня к себе, обнял. Стал утешать, поглаживая по спине. Я особо не прислушивалась к тому, что он бормотал. А главное он произнес, глядя мне в глаза.

- Хочешь, я стану твоим опекуном?

- Наверное... да, - ответила я тихо, пряча взгляд.

Радостно соглашаться вроде бы нет причин, но отказываться как-то глупо. А попросить время на раздумья может взрослый, но не ребенок.

- Я узнаю, как это можно сделать, - сказал Николай Петрович, повеселев. – Мила, выше нос! Даже если придется вернуться в приют, это ненадолго. Поняла?

- Ага, - согласилась я.

А после того, как он ушел, меня накрыло воспоминаниями Яромилы. Не всеми разом, но я узнала, каково девочке жилось в приюте.

Глава 5

Яра не знала, как исчезли мама и папа. Позже кто-то сказал, что их забрали ночью. Кто? Зачем? Непонятно. Ночью Яра спала.

Утром няня покормила Яру завтраком, велела сидеть в детской и ушла. Яра и сидела, пока ей не надоело. А потом...

По дому ходили незнакомые люди, мужчины в форме полицейских. И рылись в вещах. Ни родителей, ни слуг... И Яра испугалась. Заплакала. Ее вновь отвели в детскую. Ничего не объяснили. Пообещали, что за ней придут.

Яра хотела убежать. Да хотя бы к соседке, тете Лине, и уже от нее позвонить бабушке. Номер Яра помнила наизусть. Ей нужен был кто-то знакомый, кто мог рассказать, что происходит, кто мог утешить, объяснить.

Но ее не пустили. У детской дежурил полицейский. А после, вечером, когда Яра устала бояться, за ней, и правда, пришли.

Женщина в строгом сером костюме велела одеваться. Из вещей Яры она выбрала самое невзрачное платье и самые простые туфельки.

Там, куда она привезла Яру, и это отобрали. Выдали другую одежду – некрасивую, из грубой ткани. И обувь, что тут же натерла ноги.

Несколько дней Яра провела в приемнике-распределителе. Она почти не ела, плохо спала, звала маму и плакала. С ней не обращались плохо. Просто не обращали внимания. И других детей Яра не видела.

А потом...

Потом ей сказали, что мама и папа за ней не придут. Что она, Яра, сирота. И что папа совершил преступление, и боярского рода Морозовых больше нет, и никому она не нужна. Она теперь просто Яромила, не боярышня, и жить будет в приюте, вместе с другими бедными детьми-сиротами.

В приюте для девочек Яру приняли неплохо, но там все казалось другим, непривычным. Не было отдельной комнаты и мягкой постели: одна спальня на всех и кровати в два яруса. Ели в общей столовой, и кормили сытно, но однообразно: каши, супы, а из мяса только котлеты. На прогулку девочек выпускали во двор. И все носили одинаковую одежду.

Яра... как-то справлялась. И с горем, что прятала ото всех. И с непривычным образом жизни. С новыми обязанностями. Девочки по очереди дежурили: следили за порядком, помогали накрывать на стол, убирали посуду, подметали двор. Но ей все казалось, что этот кошмар закончится, что мама и папа вернуться, заберут ее домой, что они будут жить, как прежде. Она мечтала об этом, представляла и как-то... проговорила. Поделилась мечтами с подружкой, тихой девочкой Соней, с которой они незаметно сблизились.

Соне нравились рассказы о жизни настоящей боярышни, однако хранить секреты она не умела. Или их разговоры подслушали. Яра предпочитала думать, что подслушали. Определенно, кто-то из старших, потому что Яра не знала, какое преступление совершил ее отец. А те, кто избивал ее по ночам, знали наверняка, потому что называли дочерью предателя, дочерью врага. И били зло, жестоко, без пощады.

Я стояла у окна, прислонившись лбом к холодному стеклу. Окно выходило в больничный двор, и я видела голые деревья, кусты и дорожки парка, присыпанные снегом.

Зима. Яра жила в приюте где-то полгода. А потом ее убили.

Не забыть бы поблагодарить Мару при следующей встрече за то, что воспоминания смазанные, нечеткие. Общую картину я представляла, но без подробностей. И без них... слишком тяжело.

Слишком тяжело представлять, как маленького ребенка накрывают одеялом и бьют... ни за что. Из-за классовой ненависти? Из-за того, что она посмела родиться аристократкой? Или из-за того, что сделал ее отец? Видимо, он совершил ужасное преступление, если даже дети в приюте вымещали злобу на его дочери.

Воспоминаний Яры не хватило, чтобы составить представление о мире, но с этим я как-нибудь разберусь. Пока достаточно того, что нет проблем с языком, чтением и прочими обычными вещами. Гораздо сильнее волновало то, что завтра меня вернут в приют. К убийцам Яры, которые навряд ли обрадовались ее чудесному спасению.

Может, это все же совпадение? В сарае ее заперли, а огонь – случайность? Яра не помнила подробностей.

Я не помнила. Надо привыкать, что она – это я. Иначе, и правда, с ума сойду.

На обед я пришла с опаской. Если Матвей понял, кто я такая, и растрепал остальным, то ожидать можно всякого. Бить, наверняка, не будут, все же это больница, тут полно взрослых, но перевернуть на меня тарелку супа могут вполне.

Однако я ошиблась. На меня никто не обращал внимания, и удалось пообедать спокойно. Мура сделала вид, что меня не заметила. Матвей и вовсе не появился в столовой. Наверное, его выписали.

А после и вовсе повезло. Новая дежурная медсестра Верочка вела себя приветливее Марии. И, кажется, Николай Петрович попросил ее приглядывать за мной. Она принесла мне в палату книжки и вкусные булочки с корицей, а я воспользовалась случаем, чтобы узнать больше о Николае Петровиче.

Верочка с удовольствием болтала, пока я помогала ей крутить тампоны из марли. Сво- рачивать из полоски ткани аккуратный треугольник я научилась быстро.

Николай Петрович Михайлов – светило магической медицины, детский хирург, один из известных врачей Москвы. Настолько известный и уважаемый, что у него свое беспрофильное отделение, где он лечит самых тяжелых пациентов всех без исключения сословий.

Тут я не выдержала и спросила о Матвее. Стало интересно, чем он был болен, что оказался в отделении у чудо-доктора.

- А, Матвейка, - улыбнулась Верочка. – Обаятельный мальчишка. Он и тебе понравился? – Она лукаво улыбнулась.

Мне?! Да он сопляк, ребенок... Я вовремя прикусила язык. «И ты ребенок, Милочка», - сказала я себе. К слову, Милой меня звал только Николай Петрович. Остальные просто сокращали имя до Яры.

- Он с дерева упал, - продолжила Верочка. – И на металлический прут напоролся. Откровенно говоря, тут врач с седьмым уровнем справился бы, но Матвейка из Шереметевых, княжич, и сам старый боярин просил Николая Петровича им заняться.

Бояре, князья... Империя, значит. Не удивлюсь, если император – Романов. Москва вот есть. Причем, не столица. Столица – Санкт-Петербург.

Я никогда не увлекалась историей, но основное, безусловно, помнила. На сестринском посту мне удалось узнать дату из календаря. Шестнадцатое января тысяча девятьсот семьдесят седьмого года. Я же жила в двадцать втором веке. Если представить, что эти два мира относительно одинаковые, то разница во времени – лет двести. И одно важное отличие: в этом мире не было революции семнадцатого года. Или была, но победили не большевики. И, кажется, магия пришла в этот мир раньше, чем в мой.

Откровенно говоря, воспринимать действительность стало проще, когда я провела параллели и зацепилась за знакомые факты. Подробности узнаю позже, а пока достаточно и этого.

- А Николай Петрович кто? Князь или граф? – спросила я, напоминая Верочке о теме разговора.

- Ой, что ты, - засмеялась она. – Он из казаков.

Если я ничего не путаю, то казаки – это бывшие крестьяне, в том числе, и беглые.

- А вот жена его – из дворян, - продолжала Верочка. – Лариса Васильевна с семьей порвала, выйдя замуж за Николая Петровича. Впрочем, и его семья от такой жены не в восторге. Чистый мезальянс! Ой, ты же не понимаешь. – Она засмеялась. – Ничего, вырастешь – поймешь.

- Дети у них есть? – поинтересовалась я. И даже объяснила свое любопытство. – Николай Петрович хочет забрать меня из приюта. Но я боюсь, что буду... лишней.

Подозреваю, что девочки в семь лет так не рассуждают. Или все же могут, учитывая пережитое? Впрочем, Верочке мои слова странными не показались.

- Был у них сын, - сказала она. – Юрий. В войну погиб. Он был пилотом разума.

- О-о-о... - протянула я уважительно, хотя ничего не поняла.

- Вообще, как Лариса Васильевна решит, так и будет, - заключила Верочка. – И, скажу тебе по секрету... - Она перешла на шепот. – Она – ведьма.

Вот уж испугала ведьму ведьмой! Конечно же, я промолчала, но про себя подумала, что мне, пожалуй, именно к ней и надо. При условии, что мои способности сохранились.

К себе я вернулась, стащив у медсестер какую-то старую газету. Новости всяко поинтереснее детских книжек.

Глава 6

«В соответствии с программой исследования космического пространства 10 декабря 1977 года в 4 часа 19 минут столичного времени в Российской империи осуществлен запуск космического корабля «Романов-26», пилотируемого экипажем в составе командира корабля подполковника Романенко Юрия Викторовича и бортинженера Героя Российской империи пилота разума Гречко Георгия Михайловича. Корабль выведен на расчетную орбиту. Программой полета предусмотрено проведение совместных экспериментов...»¹

Старая мне попала газета, практически месячной давности. Называлась она «Вестник культуры», и начиналась со статьи о космонавтах, которых тут называли пилотами разума. Это получается, сын Николая Петровича космонавтом был? И погиб... на войне? Тут звездные войны шли, что ли?

Впрочем, космонавтов и у нас называли летчиками. А летчик – это тот, кто управляет летательным аппаратом. Пилот разума? Неужели управление... силой мысли?

В моем мире такого добились только в конце двадцать первого века, когда научились вживлять в мозг человека нейрочипы. Подозреваю, что тут обошлись без высоких технологий и искусственного разума. Магия. Или даже... пси-способности. Телекинез.

В целом, новости культуры ничем мне не помогли. Насколько события двухсотлетней давности моего мира соответствуют местной культурной жизни, я оценить не могла. Поздравляли лауреатов и победителей конкурсов, писали о роли кино для сельских клубов, о театральных премьерах, об особенностях многосерийных фильмов и почему-то о фигурном катании.

В детские книжки я все же заглянула, в целях ознакомления. В одной обнаружила историю о приключениях маленькой ведьмы, в другой – рассказы о животных. И это ничем не отличалось от книжек моего детства, за исключением, разве что, ведьмы. С тех пор, как в моем мире магия перестала быть чем-то недоказуемым, общество решило, что прекрасно обойдется без магов. Откровенно говоря, те первые колдуны и ведьмы изрядно напакостили, пытаясь установить свою власть. И войну развязали, и жизнью людских забрали немало, в том числе, и для жутких черных ритуалов. В итоге магию объявили вне закона, и, если ребенок рождался с даром, магию блокировали. Вспомнить бы еще, как мне удалось избежать подобной участи...

Короче, книжки о приключениях ведьмы в моем детстве быть не могло. Скорее, это была бы обычная девочка.

- Мультики идешь смотреть?

Дверь приоткрылась, и в щель просунулась лохматая мальчишечья голова.

Матвей?

- Тебя же выписали, - вырвалось у меня.

- С чего бы? – Он открыл дверь шире.

- Ну... я не видела тебя на обеде.

- Дед приходил, мы в кафе обедали. – Мальчишка довольно улыбнулся. – Ты меня искала?

- С чего бы... - пробормотала я, повторяя его слова.

- Может, поблагодарить хотела?

Теперь в его голосе определенно слышалась издевка.

Вот же... соплик!

- За что? – холодно спросила я.

- За чудесное спасение.

¹ Газета «Советская культура» №100 (5108) за 13 декабря 1977 года. Часть статьи «На орбите – научный комплекс» с первой полосы, практически дословно. Автором заменено название государства и «летчик-космонавт» на «пилот разума».

Он же из князей. А я – простолюдинка. Наверное, здесь принято пресмыкаться перед аристократами. Вот этот мелкий княжич и ждет благодарности.

- Я и сама доказала бы, что не брала чужую еду, - огрызнулась я. – Но если тебе так важно...

Я соскочила с кровати и отвесила Матвею низкий поклон.

- Благодарю, ваше сиятельство!

Челюсть у него отвисла.

- Ты чего? Юродивая, что ли?

Опять не угодила! Возмутиться я не успела, Матвей сам нашел объяснение моему поведению.

- Николай Петрович говорил, что у тебя с памятью проблемы. Наверное, сильно голове досталось.

В его взгляде появилось сочувствие, и челюсть отвисла уже у меня. Но ведь... маленький же. Пусть не семь, как мне, но не старше десяти. И так играть? Или он... искренне?

И вообще! Зачем он пришел? Поиздеваться? Я же помню ужас и отвращение на его лице.

- А я рад, что так совпало, - заявил Матвей.

Он зашел в палату без приглашения и уселся на соседнюю кровать. У меня так и не появилось соседки.

- Чему ты рад? – уточнила я, жалея, что не могу взять мальчишку за шиворот и выкинуть в коридор.

Во-первых, мне всего семь, можно и сдачи получить. Во-вторых, Николаю Петровичу не понравится такое поведение, и он может передумать. Решит, что я невоспитанная хулиганка и не заберет из приюта.

- Точно, тебе не рассказали, - кивнул он. – Тебя вчера сюда принесли, потому что ваш приют недалеко. Скорая повезла бы в другую больницу. Или даже возиться не стали бы. А тот, кто тебя спас, он знает Николая Петровича. Но его, скорее всего, не вызвали бы, если бы он уже не был здесь.

- Почему не вызвали бы? – тихо спросила я.

- Травмы, несовместимые с жизнью. Яр, я не придумываю. Я их разговор слышал. Николай Петровича и деда. Николай Петрович тебя с того света вытащил.

- Он был тут... потому что лечил тебя? – догадалась я.

- Ага. – Матвей кивнул. – Вот этому совпадению я и рад. Если бы я с дерева не свалился...

Он замолчал, криво усмехнулся.

- А ты зачем на дерево полез?

Мне не хотелось продолжать разговор о совпадениях. Так можно додуматься до того, что этого мальчишку с дерева богиня столкнула, чтобы Николай Петрович оказался вовремя в нужном месте.

- Да-а-а... - протянул Матвей и махнул рукой. – На спор. И знал же, что оно сухое, что ветка в любой момент надломиться может. Короче, сам дурак.

Кажется, все же обошлось без божественных вмешательств. Хорошо, что в итоге... все живы.

- Тогда я, и правда, должна тебя поблагодарить. Только прости, я не знаю, как правильно. Забыла... как к княжичам обращаются. Спасибо, что спас мне жизнь.

Я решила быть вежливой, но внимательно наблюдала за реакцией Матвея на мои слова. Его же они определенно смутили. И не притворно, искренне. Даже уши покраснели.

- Да я пошутил, Яра! – воскликнул он. – Ну... развеселить хотел.

Похоже, я и в другом ошиблась. Ужас и отвращение Матвей испытал не ко мне, а к тому, что со мной сделали. Он слышал разговор взрослых, то есть, знал о девочке, которая пострадала в пожаре. И когда я сказала о том, что меня сожгли, понял, что та девочка – я.

- Ладно, - сказала я вслух. – Где там... твои мультики?

Матвей обитал в отдельной палате, больше похожей на номер дорогой гостиницы. С телевизором. Правда, выглядел тот для меня, привыкшей к плазме и голограммам, несколько странно: ящик с выгнутым экраном и черно-белым плоским изображением. И без пульта управления. И переключатель каналов... рычаг. Короче, допотопная техника. Но здесь, как я поняла, и такое считалось роскошью.

Матвей пригласил к себе «на мультики» всех детей из отделения. И они набились в комнату, расселись на его кровати, на подоконнике, на полу. Кое-кто даже стоял. И все уставились на экран.

- Пожалуй, я не сильно люблю мультики, - сказала я Матвею.

Не хотелось лезть в толпу детей. Я еще не настолько стала Ярой.

- Я тоже, - отозвался он. – Хочешь на рыбок посмотреть?

Золотые рыбки плавали в большом аквариуме в приемной отделения. Здесь же, на стене, висело большое зеркало, и я, наконец, смогла себя рассмотреть. При Матвее пялиться на собственное отражение было как-то неудобно, но я хотя бы поняла, как выгляжу. Рыжие волосы, веснушки. Узкое худое лицо, маленький нос, пухлые губы. И глаза непонятного цвета – то ли голубые, то ли зеленые. Цвет морской волны?

- Яра, ты здесь? – В приемную заглянула Верочка. – А, и ты, герой, тут. Пригласил всех, а сам без мультиков остался?

- Да пусть смотрят, мне не жалко, - пробурчал Матвей.

- Пойдемте, я вам в сестринской телевизор включу, - расщедрилась Верочка. – Заодно отваром Яру напою. Николай Петрович прислал.

Отвар был горьким, мультики – глупыми. Но Верочка угостила нас с Матвеем конфетами. И сидеть рядом с ним на диване в сестринской было как-то... спокойно.

Так спокойно я чувствовала себя впервые с тех пор, как стала Ярой Морозовой.

Глава 7

В приют я вернулась через три дня.

Николай Петрович собирался выписать меня раньше, однако, осматривая мое энергетическое тело, обнаружил, что потоки силы находятся в дисбалансе. Это я услышала и запомнила, а суть поняла не сразу.

Объяснения я получила от Матвея, который остался в отделении по той же причине.

- Врач десятого уровня может восстановить тело быстро. И физиологические процессы тоже. Физиология – это...

- Процессы, что протекают в организме, - перебила я. – Знаю, дальше рассказывай.

- Уверена? – Он прищурился. – Приведи пример.

Меня жутко бесила эта его снисходительность старшего к младшей. Еще бы! По факту, я была старше, и намного. Но приходилось терпеть. Не знаю, почему этот мальчишка ко мне привязался. От скуки, должно быть. У него хватало поклонниц даже в отделении. Могла поклясться, что он так же популярен в школе. И, наверное, это даже справедливо. На мордашку симпатичный, не заносчивый, хоть и княжич, доброжелательный, отзывчивый, вежливый. Наверняка, обычная семилетняя девочка была бы счастлива такому вниманию со стороны старшего мальчика. А Яра – и подавно, ведь она изгой. А мне вот... приходилось терпеть. Я утешала себя тем, что Матвей охотно делился со мной информацией, которой мне так не хватало. К тому же, в моем положении с княжичем лучше дружить. Возможно, это знакомство пригодится в будущем.

- Тебе какой? – Я довольно улыбнулась. – На уровне клеток? Тканей? Органов? Систем органов? Или...

Иногда я не выдерживала... и проговаривалась.

- Откуда ты все это знаешь? – тараторил Матвей. – Ладно, убедила.

Я отговаривалась тем, что увлекаюсь биологией лет с пяти. Попался в мои загребушие ручки медицинский учебник... и понеслось. Я же правнучка врача, учителя Николая Петровича. Значит, это звучит правдоподобно.

Правда, об энергетических телах и особенностях их восстановления я ничего не знала, но Матвей не придавал этому значения.

- У обычного человека энергетическое тело обычное, - объяснял он. – И восстанавливается одновременно с физиологическими процессами. У одаренных каналы сложнее, видов энергии больше, и для восстановления правильной работы нужно время. Вот нас с тобой заталили, мы выглядим здоровыми, чувствуем себя здоровыми, а наш дар пока... э-э-э... хромой. Николай Петрович следит за тем, как циркулирует сила, поправляет кое-где, если нужно. Потому и не выписывает.

Яра не считалась одаренной. Ее способности к магии были слабыми, едва натягивало на единичку, по местным меркам силы. Насколько я успела понять, степеней всего десять, и все, что ниже трех всерьез не воспринимается. От трех до пяти – средние показатели, от пяти до семи – высокие. Все, что за семеркой – высший класс.

У Николая Петровича, к слову, десятая степень. Или уровень, это одно и то же.

Одаренный ребенок или нет, становится понятно примерно между пятым и седьмым годами жизни. Полагаю, к единичке Яры добавились мои собственные силы, и не сразу, потому Николай Петрович и заметил «дисбаланс» только на вторые сутки после того, как я поступила в отделение.

Из-за возраста и пережитого стресса он решил, что это позднее пробуждение дара. Но о степени говорить отказывался.

- Вот восстановится полностью, тогда и можно будет измерить. И, заодно, понять, будет ли дар усиливаться.

Еще одна особенность: дар можно развить, но не всякий. Матвей вот хвастался, что у него пятерка с потенциалом. У Яры же была предельная единица.

В день выписки я узнала, что у меня предельная четверка.

- Неплохо. И даже хорошо! – радовался Николай Петрович. – С четверкой ты сможешь выучиться, например, на зельевара. Очень достойная профессия.

И чем она отличается от фармацевта? Те же яйца, только в профиль. Да, я смогу использовать свою силу открыто, без страха быть наказанной. Но как мне это поможет вернуть доброе имя отца? Ответ очевиден. Никак.

- С четверкой тебя переведут в другой приют, – пообещал Николай Петрович. – Для одаренных детей.

О том, чтобы забрать меня в свою семью, он больше не заговаривал. То ли передумал, то ли ведьма-жена его не поддержала, то ли следователь оказался прав, и связываться с дочерью преступника попросту опасно.

Я так и не узнала, какое преступление совершил мой отец. Расспрашивать открыто опасалась. И даже смалодушничала, когда Матвей поинтересовался, какой род меня опекает.

- Я сирота, – ответила я. – Не знаю, кто мои родители.

- У тебя дар, хоть и слабый, – сказал он. – Значит, мать или отец из аристократов.

- У простолюдинов не бывает дара?

- Очень редко, – признался Матвей. – И, скорее всего, именно у бастардов. Исследование не проводили, но... так говорят.

Я ушла из больницы, не попрощавшись с Матвеем. Зачем, если я его больше не увижу? Он и жил не в Москве, а в Санкт-Петербурге. Сюда он приезжал с дедом на каникулах. Да хватало и того, что он княжич, а я – никто. Между нами пропасть.

Николай Петрович пообещал навещать меня в приюте. И поторопить перевод. Но...

Дать отпор тем, кому не давал покоя сам факт моего существования, придется самой. Я больше не буду девочкой для битья.

Встретили меня настороженно. Лучше бы равнодушно, но я чувствовала на себе взгляды, полные страха и ненависти. Стоило обернуться – и все отворачивались. Они боялись, что я видела их лица. Боялись и ненавидели. И ждали, не начну ли я говорить. Не укажу ли пальцем на обидчиков.

Ко мне подошла только Соня.

- Я... рада, что ты вернулась, – выдавила она.

Теперь мне хватало жизненного опыта, чтобы понять: Соню сломали. Она слишком слабая и зависимая, чтобы иметь свое мнение. Старшие дождались, когда мы сойдемся, а потом ей отвели роль доносчицы, а мне – жертвы. Как жертва, я, безусловно, удобнее.

- Я ничего не помню, – сказала я. – Даже тебя.

Отстанут ли от меня хоть ненадолго, узнав о потере памяти? Я надеялась провести спокойно хотя бы несколько дней.

- Покажешь, где моя кровать? – предложила я Соне.

Это я помнила смутно, потому боялась ошибиться.

Она кивнула, к кровати отвела. И, воспользовавшись тем, что в спальне никого не было, схватила меня за руку.

- Яра, давай сбежим! Я ключи стащила. Анна Гавриловна искала, ругалась, но не нашла. Никто не знает, что ключи у меня, я их хорошо спрятала. Давай сбежим!

- Куда? – спросила я, отцепляясь от Сони. – Куда бежать? Где-то будет лучше, чем здесь? И далеко мы убежим... без денег?

Почему-то казалось, что меня провоцируют на побег. Хотят подстроить очередной «несчастный» случай? Чтобы как с сараем? «Не мы его подожгли, он сам загорелся».

- Яра-а-а... - Соня заплакала. – И зачем ты вернула-а-ась...

- Скажи им, что я ничего не помню. Это правда. А насчет побега... подумаю.

Я в упор смотрела на Соню, и она смутилась, спрятала взгляд. Я попала в точку, но все еще не представляла, как буду выкручиваться. Не спать всю ночь? Допустим, один раз получится. Но я не могу вечно обходиться без сна. Знать бы, кто воду мутит! А Сонька не скажет, их она боится сильнее, чем меня.

Пережить первую ночь мне помог Матвей.

Когда сказали, что ко мне пришли, я ожидала увидеть Николая Петровича. Но в гостевой меня встретил Матвей.

- Ты ушла, не попрощавшись! – заявил он в лоб.

- Княжич, ты меня пугаешь. – Я не лукавила, произнося эти слова. – Я понимаю разницу между тобой и мной. А тебе нужно было убедиться? Ну, смотри.

Я покрутилась на месте, демонстрируя серую одежду из грубой ткани. Приютскую одежду. Отличительный признак нищих детей.

- Зачем ты так... - поморщился он.

- А как надо? Сделать вид, что мы друзья? Письмами обмениваться? Ездить друг к другу в гости на каникулы?

- Дедушка сказал, что ты не обрадуешься, если я тебя навещу, - кивнул он.

- Он прав, - огрызнулась я. – Чему радоваться? Поводу для зависти? Или ты думаешь, я сама себя избила?

Я говорила с ним не как маленькая девочка, но он этого не замечал.

- А я подарки принес. Для всех. Чтобы тебя не обижали, - сказал Матвей.

И я закрыла рот. Серьезно? Я ему... нравлюсь, что ли?..

Матвей поманил меня пальцем, словно хотел доверить какой-то секрет. А я настолько опешила, что шагнула к нему, не задумываясь. Он и шепнул... на ухо:

- Ты только не придумывай ничего. Это я дедушку задобрить пытаюсь.

- Зачем? – выдохнула я.

- Он меня за дерево выдрать пообещал. А он обещания держит. Вот и веду себя... хорошо. Может, меньше достанется.

И опять снисходительная усмешка в глазах. Нет, я отказываюсь его понимать. Он, видать, сам головой хорошо приложился, когда с дерева летел. Вот и ведет себя странно.

- Благодарю за все, ваше сиятельство, - произнесла я, отстраняясь. – За спасение, за помощь, за участие. Прощайте.

- Эй, погоди, - окликнул меня Матвей.

- Чего еще?!

- «Ваше сиятельство» - так к князьям обращаются. К графам, баронам. А ко мне – нет. Учи этикет, Яра. Пригодится.

Он подмигнул мне и ушел.

А подарки, что он принес для девочек, и подарили мне спокойную ночь. Конфетами нас не баловали, а тут каждая получила по большому кульку со сладостями: конфетами, печеньем, мармеладом, зефиром, пастилой. А еще в столовой поставили огромный таз с румяными яблоками и такой же – с мандаринами. Тоже для всех.

Анна Гавриловна объявила, от кого подарки. И добавила, что княжич Шереметев – мой знакомый.

- Ладно, пока живи, - услышала я за спиной.

Обернулась быстро, но рядом уже никого не было.

Глава 8

Возможно, меня не трогали бы дольше. Кто его знает, ведь княжич Шереметев мог и вернуться, чтобы одарить сироту чем-то еще. И весь приют в накладе не остался бы.

Подарками нас не баловали, постоянных благотворителей у приюта не было. Яру не интересовало, откуда другие сироты, а я разобралась сразу: мы все – дети преступников, осужденных кто на тюремное заключение, кто на каторгу. Пожалуй, нет ничего удивительного в том, что озлобленные волчата объединились против той, чьего отца казнили.

Но они потерпели бы. Отложили бы расправу, если бы из-за меня их жизнь стала чуточку слаще. Можно сказать, я сама нарвалась.

Буквально на следующий день я увидела, как старшие девочки обижают Соню. Похоже, она понимала, что конфеты отберут, поэтому съела почти все, пока Анна Гавриловна следила за порядком.

При Анне Гавриловне девочки вели себя тише, скромнее. Та была воспитательницей строгой, но справедливой. И обижать младших она не позволяла. Могла и уши надрать, если кто-то, по ее мнению, выходил за рамки дозволенного.

Другая воспитательница, Екатерина Федоровна, за дисциплиной следила своеобразно. Она назначала старшую из числа своих любимиц и позволяла ей устанавливать свои порядки. При ней старшие девочки вели себя развязно, не опасаясь последствий.

Бедную Соню зажали в углу спальни и дергали за волосы – в наказание за то, что она съела почти все сладости, не поделилась с «подругами». Соня заливалась слезами. И так тихо, обреченно, что внутри меня словно что-то надломилось.

Яра прошла бы мимо. Яра сделала бы вид, что ничего не заметила. А я – не смогла. Даже зная, что все мои беды из-за Сони, из-за ее слабости.

Жаловаться друг на друга в приюте было не принято. Таких девочек называли доносчицами, и жилось им вряд ли лучше, чем Яре. Она, а вместе с ней и я, помнила лишь об одном таком случае. В столовой разбили две тарелки, и Анну Гавриловну почти уговорили, что это произошло случайно, но одна из новеньких девочек заявила, что это ложь, что она видела, что посуду портили нарочно. И виновных наказали.

Мы с Ярой помнили и то, как ябеде устроили темную.

Я предпочла бы, чтобы Яра делилась со мной светлыми воспоминаниями. Ведь они, наверняка, есть. Лучше бы я узнала о том, как ей жилось дома, с родителями. Чему и как ее учили, кем были ее мать и отец. Однако все, что происходило с Ярой до приюта, от меня спрятали. И приходилось «вспоминать» лишь ужасы.

В очередной раз сказав себе, что Яра – это я, и наоборот, я отправилась в комнату воспитателей. Екатерины Федоровны там не было, это я знала точно. Вечерами она предпочитала пить чай в компании поварихи, на кухне. Зато там стоял телефон.

Впервые я осознала, какая здесь связь, еще в больнице. Пузатый аппарат с трубкой, присоединенной к корпусу пружинным проводом, с диском и нарисованными на диске цифрами. От аппарата тянулся провод к розетке, но не электрической, а телефонной. Я решительно отказывалась понимать, как работает эта допотопная техника. Но пользоваться телефоном научилась.

Доносчиков не любят? Плевать. Хуже, чем есть, не будет. Спорить с старшими, ввязываться в драку – это проигрыш. И Соне не помогу, и сама огребу. Разговаривать с Екатериной Федоровной тоже бесполезно. Но в больнице я узнала, что есть отдел, оперативно реагирующий на жалобы о нарушении закона. Да от Матвея и узнала. Он спросил, отчего я не пользуюсь возможностью, если меня обижают. Пришлось объяснять, что тот, кого бьют, номер телефона не наберет. А после... на кого указать, если я не знаю, кто бил?

Короче, мне этот способ не подходил. А вот Соне поможет.
Номер телефона я запомнила. И набрала его без колебаний.

- Слушаю. – Голос в трубке показался мне сухим и безэмоциональным.

Я отбарабанила адрес приюта и сообщила, что прямо сейчас старшие девочки избивают малышку с одобрения дежурного воспитателя.

Матвей говорил, что все звонки на этот номер записываются. То есть, проигнорировать сообщение можно, чисто теоретически, а практически никто не рискнет так поступить, потому что при разбирательстве будут доказательства, что сигнал был, а реакции не последовало.

«Если скажешь точный адрес, сотрудник безопасности появится сразу, - учил Матвей. – Практически мгновенно».

На мой вопрос, как такое возможно, он не ответил. Улыбнулся загадочно... и все. Скорее всего, сам не знал. Подозреваю, что здесь и телепортация в ходу. И...

- Где? – За моей спиной раздался мужской голос. – Показывай.

Я испугалась так, что подавилась криком. Он, и правда, телепортировался?! Или...

Мужчина в черной форме. Ни погоны, ни значок на мундире мне ни о чем не сказали. Не разбиралась я еще в местных знаках отличия. Только и хватило сил, чтобы отвести его в спальню, где старшие, войдя во вкус, щипали Соню, наслаждаясь ее плачем.

- Воспитатель? – все так же сухо спросил мужчина.

- На кухне, - выдохнула я.

В дальнейших разборках я, само собой, участия не принимала. Все случилось как-то быстро и тихо. Соню куда-то увезли, зачинщиц заперли в чулане, Екатерину Федоровну отвели в кабинет директора. Вскоре в приют примчался и сам директор, полновато-лысоватый Борис Борисович.

Матвей оказался прав, замять происшествие не удалось.

О моем участии знали все, потому что видели, что это я привела мужчину, оказавшегося сотрудником службы имперской безопасности. Побеседовал он и со мной.

- Как... Соня? – спросила я.

- С ней работают психологи, - сказал мужчина, представившийся Александром Ивановичем. – Над ней давно издевались?

- Давно.

- Почему не сообщила раньше?

- А где я могла узнать ваш номер? – спросила я в ответ.

- Кстати, как ты его узнала? – Он усмехнулся.

- Знакомый один подсказал. Княжич.

- А, Шереметев...

Его осведомленность не показалась странной. Для человека, умеющего так быстро перемещаться в пространстве, узнать обо мне все – пара пустяков.

- Соня вернется?

- Да. Но здесь не будет тех, кто ее обижал.

- Появятся другие. И я не уверена, что вы взяли всех. Это исполнители. Есть кто-то, кто руководит...

- Имена?

- Не знаю. – Я отрицательно качнула головой. – Если бы я знала...

- Недавно здесь избили тебя.

- Здесь постоянно кого-то бьют.

Александр Иванович помолчал, словно обдумывая что-то.

- До утра доживешь? – спросил он вдруг. – Я постараюсь помочь.

- Придется. – Я повела плечом. – Куда деваться-то...

Что-то, и правда, сдвинулось с мертвой точки. Похоже, я постучала в нужную дверь.

Но силу злости тех, чей покой был нарушен жалобой, я недооценила. В том, что мне будут мстить, я не сомневалась. Полагала, что не сразу, но ошиблась.

Они пришли на исходе ночи, едва забрезжили утренние сумерки. Я не спала, и, скорее, почувствовала, чем услышала, осторожные шаги.

Один... Два... Три!

Я резко вскочила на кровати, отбрасывая одеяло.

- Держи ее! – крикнул кто-то.

«Хватай ведьму!» - раздалось в ушах.

Я и без того была зла, а сейчас и вовсе слетела с катушек. И, наверное, сыграл роль и тот факт, что тут я не боялась быть ведьмой.

Воздух вокруг меня заискрил, затрепал. Запахло озоном.

- Прочь! – рявкнула я. – Прокляну!

Кто-то испугался, отступил. А ведь вокруг моей кровати собрались... все. Да, пожалуй, все в приюте ненавидели дочь врага Российской империи.

- Куда? Она же ничего не может! Если бы могла...

Все, я предупреждала.

- Вы не люди, вы звери! – взвизгнула я, выпуская проклятие. – Свиньи! Овцы! Курицы!

Бабахнуло. И наступила тишина.

Длилась она недолго. Через мгновение я чуть не оглохла от поднявшегося шума. В животных девочки не превратились, но хрюканье и блеянье определенно преобладало над кудахтаньем.

Глава 9

В спальне вспыхнул свет. Меня все еще потряхивало от сотворенного проклятия, но фигуру в черном, застывшую в дверном проеме, я узнала.

Позади Александра Ивановича маячил кто-то еще, тщетно пытаясь протиснуться в комнату.

- Да что там...

Александр Иванович шагнул вперед. Из-за его спины тут же выкатились двое в форме. Определенно сотрудники того же отдела, но значительно моложе Александра Ивановича. Может, стажеры?

- Твою ж... - выдохнул один из них.

Я отметила, что в этом мире матерятся так же забористо и вдохновенно, как в моем.

- Рот закрой! – рявкнул Александр Иванович. – Тут дети!

- Эти, что ли? – хмыкнул другой, понаглее.

Я мысленно согласилась с обоими. И «твою ж», и зверинец вместо спальни для девочек.

- Работайте, - велел Александр Иванович. – Ведьму я забираю.

Он в упор посмотрел на меня, а я лишь повела плечом. Мог бы и сказать, что засаду устроит. Глядишь, и я не прокляла бы этих дур.

А проклятие вышло крепким. При свете я рассмотрела, что внешне девочки все же изменились. У кого-то нос превратился в пяточок, у кого-то в клюв, а кое-кто обзавелся шерстью, завернутой в колечки.

Александр Иванович поманил меня пальцем и кивнул на дверь. О, это с удовольствием! Только рада буду убраться из этого дурдома.

Впрочем, двое его напарников уже «работали»: погружали пострадавших от проклятия в сон. Наверное, так правильно. В первую очередь, «зверье» нужно успокоить.

Едва мы с Александром Ивановичем вышли из комнаты, он присел на корточки и ощупал меня. И руками вдоль моего тела поводил.

- Цела? – спросил он, наконец.

Я пожала плечами.

- Не стыдно? – задал он другой вопрос.

- А вам? – дерзко ответила я.

Правда, тут же об этом пожалела. Я вновь чуть отдалилась от Яры, забыла, что должна вести себя, как ребенок.

Александр Иванович молча встал, взял меня за руку, и мир вокруг потерял четкость.

Я испугалась. Воздух будто уплотнился, потяжелел, и такое чувство, что мне на нос надели очки с толстыми стеклами. Тот же коридор, но иной. И под ногами... песок? А над головой уже не потолок, а небо – темно-синее, насыщенное, с россыпью кроваво-багряных облаков.

Шаг, другой... И вокруг меня уже не воздух, а желе. Переставлять ноги трудно, но Александр Иванович не выпускает моей руки, тянет за собой. Третий шаг самый трудный. И...

Отпустило.

Глаза слезятся, но я понимаю, где нахожусь. Обычный мир, обычный кабинет. Стол, заваленный бумагами. Стулья. Металлический шкаф. За окном – рассвет.

- Что ты видела? – поинтересовался Александр Иванович.

- Что это?

Я проигнорировала вопрос. Голос мой звучал испуганно, и в том не было ни капли притворства.

- Что ты видела? – повторил Александр Иванович терпеливо.

- Не знаю, - ответила я. – Оно... странное. Тягучее, как резинка.

Он кивнул и усадил меня на стул. Осмотрелся и, сняв мундир, накинул его мне на плечи. Я поежилась. Только теперь поняла, что мне холодно. Еще бы, из спальни меня уволокли, не позволив одеться.

Из ящика стола Александр Николаевич достал носки. Шерстяные, связанные на спицах.

- Никогда не угадаешь, что пригодится, - пробормотал он, натягивая их на мои босые ноги.

После он включил чайник – воткнул вилку в розетку. Из другого ящика стола извлек заварку в картонной коробке и кусковой сахар.

Мы оба молчали. Александр Иванович сосредоточенно заваривал чай. Я куталась в мундир, пытаюсь согреться.

- Пей. – Передо мной поставили чай в подстаканнике. Пододвинули ближе блюдце с сахаром. – Лучше сладкий, быстрее согреешься.

Александр Иванович собрал со стола все бумаги, запер папки в металлическом шкафу.

- Дверь на замке, сюда никто не зайдет, - сказал он. – Пей чай, я скоро вернусь. - Он вздохнул. – Яромила, без глупостей. Договорились?

- И не собиралась, - заверила его я.

Чай был крепким, сахар – сладким. А вернулся Александр Иванович, и правда, быстро. Минут через десять, если верить часам на стене. Я даже не успела подумать о том, что меня теперь ждет.

Честно говоря, думать не хотелось. Мысли текли как-то лениво, плавно, сонно. Чай согревал, и лечь бы сейчас, свернуться клубочком. Вот хотя бы на этом диванчике в углу кабинета. И как я его раньше не заметила...

- Да ты спишь совсем, - усмехнулся Александр Иванович, взглянув на меня. – Яра, сосредоточься, пожалуйста. И отвечай честно. Ложь я почувствую.

Я кивнула.

- Это твое первое проклятие?

- Ага.

- Ты понимала, что делаешь?

- Я точно понимала, что меня это все достало. Сотворила ли я проклятие осознанно?

Нет. Оно... само. Я и не знала, что получится. У меня четверка. Предельная четверка.

- Шесть с потенциалом роста.

- Что?

- И способности эспера в перспективе.

- Кого?

- Эспера, - повторил Александр Иванович. – Странная ты девочка, Яра. Телефон секретного отдела службы имперской безопасности знаешь наизусть. А кто такие эсперы... не слышала?

- Я же говорила, кто сказал... - вскинулась я.

- Тише, тише, - перебил меня он. – Я помню. У младшего княжича Шереметева длинные уши. И длинный язык.

- Ему ничего за это не будет? – спохватилась я. – Я думаю... он просто хотел помочь... потому что я... потому что меня...

- Он не сделал ничего плохого. – Александр Иванович не спускал с меня внимательного взгляда. – Он хотел помочь, ты права. И он помог. И ты ни в чем не виновата. Ты защищалась, я тому свидетель. Но, Яра, запомни на будущее. Если вновь кого-то проклянешь, это тебе с рук не сойдет. Сейчас ты не понимала собственной силы, защищалась, действовала на эмоциях. Но если захочешь повторить, это расценят, как злоумышленное преступление.

- Я поняла. А если мне вновь придется защищаться?

- В тот приют ты не вернешься, если ты об этом.

- В другом будет иначе?
- Зависит от тебя. Но сомневаюсь, что ты будешь жить в приюте.
- А где же еще?
- Александр Иванович рассмеялся.
- В этом кабинете вопросы обычно задаю я, странная девочка Яра.
- Ничего не странная, - пропищала я капризно, старательно изображая обычного ребенка.
- Я устала. Вы же и сами все обо мне знаете.
- Ладно, кто такие эсперы, я тебе позже расскажу. Сейчас хорошо бы проклятие снять.
- И не подумаю! – воскликнула я.
- Яра...
- Они сами виноваты!
- С этим сложно спорить, - согласился Александр Иванович. – Но проклятие надо снять.
- Вот сами и снимайте!
- Так... оно твое. Ты его сотворила, тебе и...
- Думаете, я знаю, как?!
- Желание, Яра. Искреннее желание.
- Вот с ним у меня проблемы. И Александр Иванович, похоже, это прекрасно понимал, потому что подошел ко мне, погладил по голове и произнес почти ласково:
- Надо, Яра. Не бери этот грех на душу. А хочешь, давай поменяемся? Ты снимешь проклятие, а я исполню любое твое желание.
- Любое? – поинтересовалась я не без ехидства.
- Все, что в моих силах, - пообещал Александр Иванович.
- Вернуть мне родителей точно не в его власти. А из возможного... о чем бы попросить? Интуиция подсказывала, что мелочиться не стоит. Но...
- Расскажите, что сделал мой отец, - попросила я. – Какое преступление он совершил?
- Александр Иванович ничего не сказал, но выражение лица его стало презабавным. Вот уж не думала, что этого дядьку можно так удивить.
- Вы полагаете, мне кто-то говорил об этом? – добавила я. – Я даже не понимаю, за что меня ненавидят! Просто расскажите все, как есть.
- Это всяко быстрее, чем копаться в архивах. Еще и ждать пришлось бы, когда меня в эти архивы пустят. А еще он, наверняка, знает больше, чем написано в газетных статьях.

Глава 10

- Эм... Может, лучше об эсперах? – Александр Иванович все же отмер. – Я не уверен, что смогу объяснить...

- Тогда девчонок сами расколдовывайте, - заявила я.

И обиженно оттопырила нижнюю губу.

Получилось очень даже по-детски. Я уже поняла, что тут можно и на своем настоять. То, что я сотворила, вполне могло ухудшить жизнь Яры. При желании меня обвинили бы в преступлении, и скидку на возраст делать не стали бы. И клеймо дочери врага Российской империи помогло бы забыть о смягчающих обстоятельствах. Однако Александр Иванович обращался со мной хорошо: не кричал, не бил, не запугивал. Причиной тому навряд ли стала его личная симпатия. Скорее, уровень моей силы и «способности эспера в перспективе». Не зря же он спрашивал, что я видела при переходе. Или правильно назвать это телепортацией?

А еще он прав, мне ни к чему отягощать свою и без того непростую жизнь. Девчонок я наказала, этого вполне достаточно. Пусть живут дальше... обычными дурами.

- Яра, ты еще мала, не сможешь понять... - Александр Иванович все еще пытался увильнуть от ответа.

- Объясните так, чтобы поняла, - не уступала я. – Простыми словами.

Он вздохнул, прошелся по кабинету. Налил себе чаю, сделал глоток и отставил стакан. И сдался.

- Ладно, слушай. Только без соплей. Начнешь реветь, отправлю туда, где нянчиться с тобой никто не будет, - сказал он жестко.

Я согласно кивнула.

- Твой отец... убил много людей. – Он тщательно подбирал слова, но от этого правда становилась лишь тяжелее, безжалостнее. – Вернее, они погибли по его вине.

- Вы же знаете, что я потеряла память после пожара? – спросила я, так как он замолчал. – Она все еще не восстановилась полностью. Я не помню, кем был мой отец.

И, пожалуй, прозвучало это цинично. Известие о том, что погибли люди, маленькая девочка проигнорировала. Зато ее интересуют подробности. Но, похоже, Александр Иванович уже смирился с моими странностями. Или считал, что я веду себя так из-за стресса. Я же предпочитала не фальшивить, не выдавливать из себя слезу. Да и ложь он почувствует, а это не в моих интересах.

- Инженер-конструктор по ракетостроению.

Ракеты, значит. Космодром? Черт, мы в Москве жили или...

Память Яры сжалилась надо мной, подсказала ответ.

Мы с мамой жили в Москве, папа – где-то в степях. Точное местоположение космодрома или завода по строительству ракет Яра не знала. Скорее всего, эта информация была засекречена. Перед трагедией папа взял отпуск на несколько дней, чтобы присутствовать на семейном торжестве. Он не мог пропустить семидесятилетие своей матери, моей бабушки. Однако... в его отсутствие на заводе что-то пошло не так?

Яра случайно услышала телефонный разговор. Дверь в кабинет отца была приоткрыта. Она не подслушивала, просто хотела зайти к папе, но он говорил по телефону, и она ждала, когда разговор закончится, чтобы не мешать.

«Нет, я против... Я категорически против... Испытание нужно отложить, это преждевременно!»

Он говорил с паузами, злился, даже кричал на собеседника. И в конце раздраженно бросил трубку. Яра побоялась его тревожить, ушла к себе.

- Твой отец отсутствовал во время важного испытания, - продолжал Александр Иванович. – Настолько важного, что на полигоне собрались... важные лица государства. В том числе родной брат императора, великий князь Петр Михайлович.

«Но папа был против испытания!» - чуть не завопила я.

Не время. Яра – не надежный свидетель. Разговор, что она услышала, мог быть о чем-то ином.

- Он тоже... погиб? – спросила я, наконец-то почувствовав настоящий ужас.

Такой, что мороз пробежал по коже. Смерть члена императорской семьи... и важные лица государства... Министры? Военачальники? Да уж...

- Погибли все, кто находился в радиусе десяти километров от эпицентра взрыва, - сказал Александр Иванович. – Несколько населенных пунктов были стерты с лица земли.

Тут у меня и вовсе челюсть отвисла. Весьма непритворно. На чем у них ракеты летают?! Взрыв был ядерным? Хотя... там вроде бы радиус поражения шире...

Информации отчаянно не хватало. Мне определенно будет чем заняться в ближайшие годы.

- Вина папы... была доказана? – выдавила я.

- Он признал вину.

- Признал или доказана? – не удержалась я. – Ведь есть разница!

- Нет, Яра. Разницы нет. При трагедии такого масштаба нет никакой разницы.

И вот как в таких условиях доказывать невиновность отца? Он взял вину на себя, потому что не смог настоять на своем? Потому что его не было на полигоне?

- А мама? Бабушка?

И где все остальные родственники? Их тоже казнили? За что?

- Ты просила рассказать об отце. В твоём помиловании есть условие: никакой связи с бывшими родственниками.

- То есть... они живы?!

Александр Иванович отрицательно качнул головой.

- Нет, Яра. Я выполнил свое обещание. Теперь твоя очередь выполнить свое.

Я поняла, что больше он ничего не скажет. Что ж, о родственниках узнаю позже. Сейчас я не горю желанием с ними встречаться. Все же... незнакомые люди.

- А об эсперах... когда? – поинтересовалась я, сообразив, что мы возвращаемся в приют.

– И... потом... Куда мне потом? Вы оставите меня в приюте?

- Снимешь проклятие, соберешь вещи...

- У меня нет вещей.

- Тепло оденешься, - терпеливо пояснил Александр Иванович. – Мне мундир нужен, знаешь ли. В приюте я тебя не оставлю.

Умеет он уходить от ответов...

Но и обещаний не нарушает.

Снять проклятие получилось легко. Впрочем, я не знала, сложно ли снимать проклятия. И тем, и другим я занималась впервые. Наверное, Александр Иванович был прав, достаточно искреннего желания. Я не простила, но посчитала наказание достаточным. И этого хватило, чтобы лица девочек приобрели знакомые черты: исчезли пяточки и клювы, исчезла овечья шерсть.

А людей из отдела безопасности стало больше. Одевшись, я ждала Александра Ивановича в медпункте. И даже задремала на кушетке.

- Яра, пойдем. – Александр Иванович тронул меня за плечо. – Ты точно ничего не хочешь взять? Из вещей?

Не хочу. Я и эту одежду оставила бы, но другой у меня нет. Я ограничилась тем, что отрицательно мотнула головой в ответ.

- Тогда дай руку.

- Опять? – поморщилась я.

Переход уже не пугал, но все же приятного в нем мало.

- Не понравилось? – Александр Иванович усмехнулся. – Ты все же что-то видишь. Обычно люди ничего не замечают. Для них это всего лишь шаг из одного места в другое. Только эсперы видят Испод.

Я, наконец, услышу, кто такие эсперы? Пожалуй, я догадываюсь... но лучше бы знать наверняка.

Глава 11

В кабинете Александра Ивановича сталолюдно. Начался рабочий день, и сотрудники носились туда-сюда, как очумелые зайцы. В основном, по приказу самого Александра Ивановича. Но были и те, кто заглядывал в его кабинет с поручением, в поисках каких-нибудь бумаг или за сплетнями.

К слову, последних Александр Иванович игнорировал. На все вопросы о ночном происшествии он отвечал кратко:

- Все изложу в отчете.

И, кажется, над этим отчетом он и работал, устроив меня на диванчике и велевести себя тихо.

Я пыталась дремать, но безуспешно. В первую очередь, из-за того, что не понимала, зачем я здесь, что такое это «здесь» и где оно находится. Отдел имперской безопасности – расплывчатая формулировка. Если я правильно догадалась, и Александр Иванович – эспер, а эсперы – это те, кого в моем мире называли псиониками или людьми с паранормальными способностями, то я сейчас у эсперов или у безопасников? Если у эсперов, то интерес Александра Ивановича вполне объясним. Если у безопасников, то есть, чего опасаться. Например, того, что высшее начальство не согласится с Александром Ивановичем, и меня ждет что-то пострашнее приюта.

Сотрудники обращались к нему не только по имени-отчеству. Кто-то величал «вашим благородием», кто-то «господином капитаном». На любого капитана найдется свой генерал, навряд ли в этом мире офицерские чины принципиально иные.

Неопределенность нервировала. А еще до меня как-то лучше стало доходить, что произошло ночью. Само собой, в своем мире я никого проклясть не пыталась. И не уверена, что у меня это получилось бы. А у Яры магия была слабой. О паранормальных способностях и вовсе думать страшно. И что это? Те самые подарки богов, что передала мне Мара?

Я с раздражением думала о том, что вопросов становится лишь больше. А понимания, что мне делать дальше – меньше. Боги поставили передо мной заведомо невыполнимую задачу. И, вишенкой на торте, у меня проснулся такой зверский аппетит, что живот свело.

Мне казалось, Александр Иванович вовсе обо мне забыл, потому несколько удивилась, услышав вдруг свое имя. Правда, обращался он не ко мне.

- Девочку зовут Яра. Отведи ее в столовую и накорми. Заодно расскажешь, кто такие эсперы.

Молодой парень, стоящий перед Александром Ивановичем навтыжку, едва заметно поморщился. В чем-то я его понимала. Мало кто из мужчин любит возиться с маленькими детьми. Однако начальнику не откажешь.

Я и в своем мире ничего не понимала в знаках отличия, и в этом узоры на погонах мне ни о чем не говорили. Но в том, что Александр Иванович выше по званию, чем этот парень, сомнений не было.

- Слушаюсь, господин капитан, - отчеканил тот.

- Глаз с нее не спускай, - добавил Александр Иванович. – И не обижай.

- И в мыслях не было, господин капитан. Видел я, что она делает с теми, кто ее обижает.

- Степан, я серьезно.

- Прошу прощения, Александр Иванович.

- Яра, чего застыла? Ты же все слышала.

А это уже мне, не поворачивая головы. Вот же...

- Александр Иванович, вы читаете мои мысли?

Тут он удостоил меня взглядом, строгим и насмешливым одновременно.

- Нет. С чего ты взяла?

- Я голодная. А вы... вот... - Я отчего-то смутилась.

- Я знаю, что ты не завтракала. А столовая открылась только что.

- Но... вы можете? – не унималась я.

- Яра, ты о чем?

- Мысли читать.

- Яра, иди. Этого юношу зовут Степан. Он тебе все расскажет. Об эсперах. И он знает, кто ты, поэтому вопросов о родственниках не задавай. Будь добра, не превращай его в поросенка, если вдруг разозлишься.

- Постараюсь, - буркнула я, сползая с дивана.

Юноша Степан вежливо открыл передо мной дверь. Но едва мы очутились в коридоре, бросил через плечо:

- Не отставай.

И быстрым шагом устремился вперед.

До лестницы я честно пыталась за ним угнаться. Но, во-первых, на меня навалилась странная усталость. Или не странная, учитывая произошедшее. Я едва переставляла ноги, да и голова кружилась – то ли от истощения сил, то ли от голода. А, во-вторых, длина наших шагов была несоизмерима. Александр Иванович оказался еще и провидцем, поднимаясь по широкой парадной лестнице, я злилась. Мысленно и весьма аккуратно, памятуя о том, что проклинать сотрудника отдела имперской безопасности категорически нельзя.

В итоге я безнадежно отстала. И, так как Степан исчез, присела на ступеньку лестницы. Вернуться к Александру Ивановичу? Не уверена, что найду его кабинет. Коридор длинный, и одинаковых дверей много. Наверняка, они пронумерованы, но я не обратила внимания на цифры нужного кабинета. Можно попросить кого-нибудь о помощи, мимо меня люди проходили. Только отчего-то никого не интересовал бесхозный ребенок. Видят ли они меня? И, может, не стоит... привлекать к себе внимание?

Проблема решилась просто: Степан вернулся.

- Ты чего? – сердито спросил он. – Я же сказал не отставать.

- Это сложно, - честно ответила я. – Ты очень быстро ходишь, а у меня нет сил, чтобы бежать.

Я обратилась к нему на «ты» неосознанно. Сработали старые установки. Степан выглядел совсем юным, и я прежняя ощущала себя старше него.

- Тебя на ручки взять? – поинтересовался он не без ехидства. – И как обращаться к старшим, тебя не учили?

Я поднялась со ступеньки, одернула платье.

- Прошу прощения, - произнесла я вежливо. – Не знаю, как к вам правильно обращаться.

Откровенно говоря, я просто устала. И не хотела ни ссор, ни скандалов. А еще боялась, что если поведу себя как-то иначе, то сорвусь и наделаю глупостей. Но Степана мой ответ удовлетворил.

- Степан, - сказал он и протянул мне руку. – Можно на «ты».

- Яромила, - ответила я, аккуратно отвечая на рукопожатие.

- Так тебя отнести? – Теперь вопрос прозвучал вполне дружелюбно.

- Нет, спасибо, - отказалась я. – Сама дойду, если не бегом.

В столовой Степан предложил мне выбрать все, что пожелаю. И в любых количествах. Я окинула взглядом раздачу и переложила ответственность на Степана, сказав, что съем все, что он принесет.

Знал бы он, чего мне это стоило! В нос ударили одуряющие запахи выпечки и прочих блюд, и запахи эти отличались от ароматов уютной кухни. Там вечно пахло вареной капу-

стой. Мне хотелось мяса и пирогов. А еще кофе – настоящего, крепкого. Но на кофе надежды не было, детей не угощают эспрессо. А в остальном... Я не желала выглядеть жадной или жалкой.

Неужто кровь боярышни Яромилы проснулась?

Степан выбрал то, что, по его мнению, можно есть детям: картофельное пюре с котлетой. И булочки притащил – плюшки с сахаром. И чай с молоком.

Есть медленно я не смогла, как ни старалась. И Степан молча принес добавку. А булочки и пирогов набрал побольше, с запасом.

В столовой, кроме нас, никого не было. Разве что кто из низших чинов прибежал за выпечкой для начальства. Я так решила, наблюдая за тем, как юноши, вроде Степана, уносят из столовой пакеты с пирогами и булками. Ну, и узор на погонах сравнила. Такой же, как у Степана. А еще поглядывала туда, где стояла большая кофемашина, этакий монстр в стальном кожухе.

- Так ты расскажешь? – спросила я, утолив первый голод. – Об эсперах? И что такое Испод?

Степан взглянул на меня как-то странно. Вроде и без злости, и без снисходительного отношения старшего к глупенькой маленькой девочке. Но от его взгляда я покрылась мурашками. А Степан поднялся и отправился к кофемашине. Я наблюдала за ним с завистью. Плюнуть на здравый смысл и попросить кофе? Может, боярышни с раннего детства пьют кофе! Пусть и с молоком...

Чашку с черным кофе Степан поставил передо мной. И сказал в ответ на мой удивленный взгляд:

- Пей. Ты же хотела.

А когда у меня отвисла челюсть, добавил:

- Я не читаю мысли, но чувствую эмоции. Это одна их способностей эсперов. Или вот...

Он едва шевельнул пальцами, и тарелка с пирожками проехала по столу.

- Эмпатия, телекинез, телепатия, ясновидение, яснослышание... - перечислял Степан. –

А Испод – это изнанка мира. Через нее можно ходить короткими путями.

Что ж, мои догадки верны.

- А подробнее можно? – попросила я.

И, наконец, отпила кофе.

Глава 12

Степан подробно объяснил, что такое эмпатия, телекинез и прочие способности эсперов. Заодно, войдя во вкус, рассказал и о магии. Кое-что я от Матвея слышала, например, об уровнях или степенях магической силы. Но, оказалось, это далеко не всё.

Местная магия, в принципе, разная: стихийная, системная, кровная, природная. Эсперы, и вовсе, привилегированная каста. Как я поняла, исключительно из-за того, что дар этот редкий. И... мужской.

К слову, среди сотрудников этого заведения я не видела ни одной женщины. Разве что тут, в столовой, на раздаче.

- Женщина не может быть эпером? – спросила я. – Ни одной не было?

- Если и были, я о них не знаю, - ответил Степан. – Тут палка о двух концах. С одной стороны, женщине трудно быть эпером. Испод – место опасное, там такие твари водятся, что одной магией не одолеешь. Нужны сила, выносливость, ловкость.

Что-то я там ни одной твари не заметила. Наверное, Александр Иванович ошибся. Хотя... понимал же он, что я не мужчина...

- С другой, - продолжал Степан, - этот дар не наследуется по мужской линии.

- Э-э...

- Ты совсем еще ребенок, - вздохнул он. – Вот ты... похожа на папу и на маму, так?

Мне не нужна была лекция по основам генетики, но я согласно кивнула.

- На кого-то больше, но суть в том, что ты унаследовала черты обоих родителей. С магией иначе. Дар наследуется целиком от одного из родителей, часть – по мужской линии, часть – по женской. Ты понимаешь, о чем я говорю?

- Ага, - кивнула я. – То есть, у эсперов-мужчин дети-эсперы не получаются.

- Именно, - обрадовался Степан. – Но и женщины под вопросом.

- Потому что женщин-эсперов нет, - добавила я.

- Не было, - возразил он. – Однако Александр Иванович утверждает, что ты что-то видишь в Исподе.

- Вижу, - подтвердила я. – Кроваво-красные облака, например.

- Может, ты о них где-то слышала? – прищурился Степан.

- Может. – Я не стала возражать. – Я память потеряла после пожара. Так что, может, мне показалось.

Вот что-то нет никакого желания ломать систему. Ведьма я, и точка. Мало мне клейма на всю биографию?! Первая женщина-эпер точно станет подопытным кроликом. А если... размножаться заставят?!

От такой перспективы у меня аппетит пропал. Или я наелась. Но на тарелку с оставшимися на ней пирожками я уже не облизывалась.

- Не расстраивайся, память вернется, - утешил меня Степан.

Он, и правда, не мог слышать мои мысли, иначе понял бы, из-за чего у меня испортилось настроение.

- Ошибся Александр Иванович или нет, будет понятно лет через десять, - продолжил Степан. – Способности эпера раскрываются после восемнадцати лет.

Обрадовал! Это лет десять за мной будут наблюдать? Хотя... Все одно, будут. Ведьмовской дар ни с того, ни с сего расти начал. Оставят они меня без присмотра, как же!

- А мы сейчас... где? – спросила я, поколебавшись.

Все же в столь юном возрасте есть свои преимущества. Мне позволительного многого не знать.

- Управление Государственной службы безопасности Российской империи, - отчеканил Степан. И улыбнулся. – Где ж еще, малышка?

Ага, глупость спросила. Тут, наверное, все дети знают, где служат эсперы. Ой, и правда...

- То есть, эсперы всегда... на службе госбезопасности? – Я уставилась на Степана, старательно тараща глаза.

- В основном, да. Есть еще отделы, а где, тебе знать необязательно.

- Секрет?

- Секрет, - согласился Степан. – Ты наелась? Любопытство твое я удовлетворил? Тогда шагом марш в обратном направлении.

Как минимум, один отдел должен быть при императоре. Это ж невозможно, чтобы император – и без эспера. И какие-нибудь секретные объекты, вроде того, где работал мой отец.

Мой отец? Пожалуй, мне все легче давалось это слияние с Яромиллой Морозовой. Это хорошо, меньше опасности выдать себя глупым поведением. Только бы какой-нибудь эспер-телепат не вздумал бы читать мои мысли. Степан сказал, что это неприятная процедура, что проводится она при крайней необходимости, что получить разрешение сложно.

Никто не будет копаться в голове маленькой девочки без особой причины. Только мерещилось мне, что девочка-эспер, пусть и под вопросом, причина веская. Сейчас я во всем видела подвох. И возвращаться в кабинет Александра Ивановича как-то не хотелось.

- Я наелась, но есть еще вопросы.

Степан закатил глаза, однако терпеливо ответил:

- Задавай.

- А вот... пилоты разума... тоже эсперы?

- Нет, это другой дар. Это способность становиться единым целым с механизмом. Как бы тебе объяснить...

- Не надо, - смиловилась я. – Сама разберусь.

- В школе узнаешь, на занятиях по теормагии, - пообещал Степан. – Ты в каком классе? В первом?

- Не помню, - ответила я. – Но читать и писать умею.

- Еще вопросы?

- Да. А что я делаю... в управлении Государственной службы безопасности? Вы еще не решили, что со мной будет? Меня накажут... за проклятие?

- Яра, где ж еще тебе быть, - вздохнул Степан. – В приюте? Ты и так... нестабильна. Наказывать тебя не за что. Ты просто... ждешь.

- Жду? Чего?

- Кого. Опекунов.

- К-каких?

Я разволновалась всерьез, оттого и начала заикаться. Не все родственники исчезли? А кто еще захочет опекать такую, как я!

- Подробности не знаю. Александр Иванович сказал, что разрешение они получают уже сегодня. Это всё?

Степан определенно выражал нетерпение. У него, небось, своих дел полно. А у меня от волнения все вопросы из головы вылетели.

Откровенно говоря, не от волнения, а от страха. Кому меня отдадут? Что это за люди? Как они будут ко мне относиться?

- Яра, ты сильно не переживай, - сказал Степан. – Абы кому точно не позволят быть твоими опекунами. Теперь ты под нашей защитой.

- Ага, - согласилась я.

Все именно так, как я и предполагала. В покое меня не оставят, будут присматривать.

А, может, это к лучшему? Как дочь врага государства я не представляю никакой ценности. Когда Николай Петрович следователя вызвал, тот лишь отмахнулся, не пожелал выяснять, кто пытался меня убить. Но будущего эспера-женщину будут, как минимум, охранять.

Главное, придумать, как самостоятельной стать. А то ведь заставят... детей с даром эспера рожать, в рамках эксперимента. Но впереди лет десять, выкручусь как-нибудь.

Напоследок я все же озадачила Степана, попросила принести мне газеты или журналы, любые, чтобы не умереть от скуки в ожидании опекунов. К счастью, детских книжек в управлении не нашлось, и газет он притащил целую пачку.

На первой же статье я и уснула. И кофе не помог.

Разбудил меня Александр Иванович.

- Яра, пойдем. Пора возвращаться.

- Куда? – пробормотала я спросонья.

- В Москву.

- А мы... где?

- В Петербурге.

Тут я окончательно проснулась. А ведь могла бы и раньше сообразить, что управление Государственной службы безопасности Российской империи находится в столице. Хороший телефончик мне Матвей подсказал...

Уточнить бы, во что ему эта помощь выльется. Ведь навряд ли это телефон службы спасения.

Однако поговорить с Александром Ивановичем я не успела. Он утащил меня в Испод, едва я натянула пальто и шапку.

Я таращилась изо всех сил, пытаюсь рассмотреть что-то кроме причудливо окрашенного неба, но сквозь мутные стекла несуществующих очков не видела практически ничего. Только темные пятна: очертания то ли камней, то ли деревьев. Все те же три шага в вязком, как желе, воздухе. И резкая, до слез, боль в глазах.

- Яра, послушай...

Александр Иванович присел на корточки рядом со мной. Заметил слезы, стер их с щек подушечками больших пальцев.

- Глупый ребенок. Ты пыталась увидеть Испод? Рано, Яра. Рано.

Прозвучало это тихо. И даже как-то... нежно, что ли? Так мог бы обращаться отец к дочери.

- Я не мужчина, - пробурчала я, исключительно из вредности. – И не буду эпером.

- Посмотрим. Я другое хотел сказать. Используй шанс, что дала тебе судьба. Радуйся жизни, учись. И не думай о будущем.

Не думать о будущем? Станный совет. Однако я согласно кивнула.

- Хорошо. Спасибо вам, Александр Иванович. И... Матвею передайте...

Я замолчала, пытаюсь понять, угадала или нет. Кажется, они близко знакомы.

- Что передать? – усмехнулся Александр Иванович.

- Спасибо. И не ругайте его, пожалуйста. Я обещаю, что забуду этот номер. И никому не скажу...

- Нет, милая моя. Номер не забывай, - возразил он, перебивая. – Если что, непременно звони. У тебя мое личное разрешение. Пойдем, тебя ждут.

Он поднялся, а я, наконец, осмотрелась. Мы стояли на тихой улочке, у деревянного забора, выкрашенного в синий цвет. Напротив калитки росла липа. Ее я опознала исключительно потому, что изучала ботанику. Все же зима, деревья голые.

- Выше нос, - сказал Александр Иванович и толкнул калитку.

Асфальтированная дорожка вела к дому. К крыльцу, облицованному рыже-бежевой плиткой. А дом был кирпичным, одноэтажным, с деревянными ставнями на широких окнах.

Мы точно в Москве? Скорее всего, где-то на окраине...

- Наконец-то! Мы заждались! Проходите, проходите!

На крыльцо вышел хозяин дома, и я чуть не взвизгнула от радости. Он все-таки не забыл об обещании!

Николай Петрович приглашающим жестом распахнул дверь.

- Я, пожалуй, пойду, - сказал Александр Иванович. – Все формальности улажены. Прошу прощения, у меня много дел.

- Ларочка огорчится, - вздохнул Николай Петрович. – Но я понимаю. Благодарю вас, Саша.

А ведь они знакомы. И знакомы хорошо...

Я перевела взгляд на Александра Ивановича, и он улыбнулся мне, подмигнул – и исчез.

- Мила, заходи в дом, холодно, - поторопил меня Николай Петрович.

Он помог мне снять пальто и отвел в гостиную. Там, на кожаном диване, сидела женщина: миниатюрная, немолодая. Черные волосы гладко зачесаны и уложены на затылке в витиеватый пучок. Острый нос, жесткий взгляд, поджатые губы. Темно-синее платье и белый кружевной воротник.

У ног женщины лежал огромный пес: черный дог с белым пятнышком на груди. Едва я вошла, дог поднялся и направился ко мне, цокая когтями по паркету. А я ему обрадовалась. Всегда хотела собаку, но не могла себе позволить. И хорошо, что не завела. С кем бы остался пес после моей казни?

- Мила, не бойся, он только понюхает, - сказал Николай Петрович. – Лорд – умный мальчик.

Я протянула Лорду руку. Он обнюхал кисть, ткнул влажным носом в ладонь, вильнул хвостом и вернулся к хозяйке. Принял. А вот жена Николая Петровича мне не обрадовалась.

- Какое убожество, - поморщилась она, смерив меня презрительным взглядом.

Поздороваться я не успела, а после этих слов язык, и вовсе, прилип к нёбу.

- Николаша! – Она повернулась к мужу. – С этим надо срочно что-то делать!

- Делай, как считаешь нужным, Ларочка, - ответил ей Николай Петрович. – Поезжайте в ателье или вызови портниху на дом. Наверное, сегодня проще купить готовое платье?

Так это она не обо мне, а о моей одежде? Я выдохнула.

- Здравствуйте...

И замолчала. Как мне к ней обращаться?

- Лариса Васильевна, - произнесла она. – Так это ты проклятьями разбрасываешься?

- Это... случайно получилось.

- Ведьма не должна полагаться на случай, - строго сказала Лариса Васильевна. И повернулась к мужу: - Николаша, покажи Яромиле ее комнату. А я, пожалуй, позвоню Любочке. Пусть снимет мерки и найдет какое-нибудь готовое платье, на первое время.

Мы с Ларисой Васильевной определенно друг другу не понравились. Однако она приняла меня в своем доме, пусть и по просьбе мужа. И рядом Николай Петрович, который не даст меня в обиду. На крайний случай, у меня есть телефон эспера из Государственной службы безопасности Российской империи. Жизнь определенно налаживалась.

А я последую совету Александра Ивановича. Буду радоваться жизни и учиться. И не думать о будущем. День, когда мне придется вспомнить об обещании, данном богине Маре, непременно настанет. В этом нет никаких сомнений.

Глава 13

В Петербург возвращались поездом.

Дед молчал, но не оттого, что злился на внука. Похоже, обдумывал что-то важное. В дела рода Матвея еще не посвящали. Правда, легкое недовольство все же ощущалось. Легкое, но справедливое. Каникулы в Москве безнадежно испорчены, а дед не любил, когда ломались его планы.

Матвей тоже молчал. Делал вид, что читает книгу, даже страницы перелистывал, однако мыслями находился в другом месте. В приюте, где осталась рыжая девочка с красивыми, но печальными глазами. Сначала Матвея потрясла ее история, а потом...

Дед ворчал, что Матвей слишком чувствительный. Даже эмпата в нем подозревал. Дар эспера, может, и примирил бы деда с тем, что нет в характере Матвея суровости и рациональности, присущих мужчинам рода Шереметевых. Однако при переходе через Испод Матвей ничего не увидел, и деда это заметно расстроило.

Матвей не был любимым внуком. Скорее, самым неустроенным. Мать сбежала за границу с каким-то французом, когда сыну едва исполнилось два года. Матвей ее не помнил. Фотографий и портретов не осталось, все уничтожили по распоряжению деда. Отец же исчезновения жены вроде бы и не заметил, как не заметил до того рождения сына. Младший из дедовых отпрысков был увлечен наукой: жил ею, дышал ею. И воспитанием Матвея занималась кормилица, она же няня, женщина малограмотная, но добрая.

Няня и научила Матвея милосердию и состраданию. Дед называл это глупым бабским воспитанием, однако и он обратил внимание на младшего внука далеко не сразу. У главы рода Шереметевых хватало дел.

Матвей сам виноват в том, что дед его заметил.

Собственно, сложно проигнорировать мальчика, явившегося в Думу в драных штанах, грязной рубашке и галошах на босу ногу.

А что Матвею оставалось делать? Няня вернулась с рынка в слезах. Ей нахамила молочница, обсчитал мясник, а потом у бидона с молоком сломалась ручка, и молоко разлилось в трамвае, испачкав какую-то важную даму. Дама устроила скандал и отобрала у няни деньги, на чистку костюма, угрожая полицией.

- Как так с людьми можно... как так... - причитала няня, утирая широкое лицо передником. - Как же законы... для кого законы...

Законами занимался император. А еще – дедушка. Матвей слышал от взрослых, что дед «с утра до ночи в Думе». Туда и отправился. За справедливостью.

А что? В восемь лет он вполне соображал, как добраться до Таврического дворца. Переодеться вот забыл, торопился. До того он с ребятами с соседней улицы в футбол играл на пустыре. Он давно знал, как улизнуть туда, где всяко веселее, чем в собственном прилизанном дворе. А галоши, и вовсе, нянины. Что первым попало, то и надел.

Дед тогда чуть со стыда не сгорел. Еще бы! Матвей так и заявил охране на входе, что пришел к дедушке. Ему не поверили, хотели выгнать взащей, но Матвей показал золотого льва на запястье, символ рода Шереметевых, и деда все же позвали. И шуму было...

Тогда Матвею не попало. Дед сказал, что нет вины мальчика в том, что никто не занимается его воспитанием. И забрал внука в свой дом. Няню, правда, не обидел: содержание определил, квартирку подарил. Не в Москве, а там, где она попросила, к родне поближе. А за Матвея взялся всерьез. Репетиторов нанял по всем предметам, по этикету, по верховой езде, по фехтованию. В лицей перевел, где кузены учились. И требовал – послушания, рационального поведения. Правда, и баловал тоже. В Москву вот на каникулы повез, хотел музеи показать, театры.

Матвей же опять поступил нерационально. Попросту говоря, глупо. Они с дедом в парке гуляли, недалеко от дома. Дед знакомого встретил, они разговорились, а Матвею стало скучно, он дальше по аллею пошел, а там девчонка маленькая плакала. Ее котенок убежал, залез на дерево и не мог спуститься. Мама, вроде бы, за помощью побежала. А Матвей на дерево полез. И ведь понимал, что ветки сухие, тонкие. И полез.

В итоге и котенка не спас, и сам на штырь приземлился. Ему потом сказали, что железка в сантиметре от сердца прошла.

Глупо? Определенно. Мог бы девочку успокоить, объяснить, что котенку обязательно помогут. Мог бы деда позвать. Он, может, и не эспер, телекинезом не владеет, однако внуку в просьбе не отказал бы, организовал спасение котенка.

Как не отказал, когда Матвею захотелось навестить Яру в приюте.

К слову, дед не спрашивал, отчего Яра. Матвей и сам толком не понимал. Просто... она была милой. Матвей не отказался бы от такой младшей сестренки. А еще она вела себя независимо. Ничего не просила, ничего не ждала. Ее хотелось защитить. Ей хотелось помочь. Он и сделал все, что мог, прекрасно понимая, что навряд ли они когда-нибудь встретятся.

А на то, что дед смягчится, Матвей не надеялся. Давно уж усвоил, что все свои обещания дед выполняет. Сказал, что выпорот по возвращении, значит, выпорот.

К счастью, откладывать наказание дед не стал. Матвей и так истомился ожиданием.

- Будешь готовиться к поступлению в кадетский корпус, - сказал дед, запирая дверь кабинета.

- Но я не хочу быть военным, - возразил Матвей.

- Я разве спросил, чего ты хочешь? – спокойно поинтересовался дед. – И чего застыл? Не знаешь, что нужно делать?

Матвей знал.

В этот раз боль казалась ничтожной по сравнению с обидой. Но кто он против главы рода? Деду подчиняются все Шереметевы. И Матвей подчинится, у него нет выбора.

Буквально на следующий день в гости заглянул один из Матвеевых дядьев. Не родной, двоюродный. Матвей торчал дома, потому что учеба еще не началась.

- Дедушка ушел, - сказал он, встречая гостя. – Не сказал, когда вернется.

- Знаю. Матвейка. Я к тебе.

- Ко мне? – удивился он.

- Ага. Не стой столбом, предложи мне чашку чаю.

Сказано это было полусуто, но Матвей, спохватившись, обязанности хозяина выполнил исправно. Дядя же, дождавшись, когда слуга покинет гостиную, сказал:

- Вот не знаю, что с тобой делать. По идее, надо наградить. Но надрать уши хочется сильнее.

- За что, дядь Саш?! – возмутился Матвей. – Если за дерево, так дед уже... надрал. Больше я ни в чем не виноват.

- А я разрешал тебе раздавать номер телефона друзьям? Я, в принципе, тебе его давал? – прищурился дядя. – И не смотри на меня невинным взглядом! Научился разговоры старших подслушивать...

- С ней все в порядке? – выдохнул Матвей, чувствуя легкое головокружение.

Дядя Саша, он же Александр Иванович Шереметев, определенно не злился. И племянника не отчитывал. Так, журил слегка. И, опять же, справедливо.

- В полном, - ответил дядя. – И я даже благодарен тебе за то, что ты сделал. Вот только больше так не поступай, договорились?

- Дядь Саш, я ей помочь хотел. Я больше никому, честное слово! Хочешь, клятву дам?

- Не хочу, - отказался дядя. – Слова достаточно.

- Расскажи, что произошло, - попросил Матвей. – На нее опять напали? Она позвонила, да? Ты их поймал? Их накажут?

- Нет, Матвейка, не расскажу. – Дядя отрицательно качнул головой. – И ты никому не говори, ладно?

- И... ему? – Матвей имел в виду деда.

- Никому, - повторил дядя. – И о девочке этой забудь. С ней все в порядке, правда.

- Хорошо. – Он повел плечом. – Все равно мы с ней никогда не встретимся.

- А это, Матвейка, как судьба распорядится, - вздохнул дядя.

Спорить с ним Матвей не стал. Говорят, эсперы и будущее видеть способны. Хотя... Какая судьба? Судьбой Матвея распоряжается дед. А он никогда не позволит, чтобы безродная девочка из приюта находилась рядом с его внуком.

Глава 14

Николай Петрович умер внезапно. И смерть его была... глупой. Так говорили.

Откровенно говоря, и я так считала. Как можно лечить других и не думать о собственном здоровье? Как можно не обращать внимания на недомогание?

У Николая Петровича болело сердце, а он откладывал визит к врачу. Как-то его вызвали в больницу поздно вечером: автобус с детьми попал в аварию. Всю ночь он возился с самыми тяжелыми из пострадавших, спас всех. Под утро ушел в ординаторскую, чтобы немного отдохнуть. Уснул – и уже не проснулся. Медсестры его не тревожили, и рядом не оказалось никого, кто мог бы помочь.

На похороны пришел весь город. Во всяком случае, и дом, и двор, и улица были заполнены людьми. И они шли и шли, чтобы проститься с чудо-доктором. С доктором, который спасал их самих, их детей, но оказался бессилем перед собственной смертью.

Лариса Васильевна постарела в один день. Белое фарфоровое лицо покрылось сетью глубоких морщин и старческих пигментных пятен, взгляд погас, волосы потускнели. Куда-то исчезла балетная осанка, превратив красавицу в сгорбленную старуху.

У нас с Ларисой Васильевной взаимной любви не случилось, хотя с ней я проводила гораздо больше времени, чем с Николаем Петровичем. Для него я была любимой внучкой, а для нее – внучкой ее любимого мужа, досадным недоразумением. Меня она терпела, но и научила многому. Я не любила ее за вредный характер, за вечные придирки, за требования соответствовать ее идеалам, и за это же была благодарна. Такой, какой я стала к семнадцати годам, меня сделала Лариса Васильевна.

А мужа она боготворила. Впрочем, как и он ее. Они никогда не ссорились. Он терпел ее вредный характер и выполнял все капризы, а она заботилась о нем, как о единственном любимом ребенке.

Лариса Васильевна следила за тем, чтобы муж был сытно и вкусно накормлен, идеально и стильно одет. Она ревностно охраняла его покой и организовывала его досуг. На званые вечера в дом Михайловых не считали зазорным попасть все местные аристократы, несмотря на то что брак потомственного казака и графской дочери считался мезальянсом. Во-первых, близкое знакомство с таким врачом, как Николай Петрович, могло пригодиться в любой момент. Во-вторых, торты и пирожные Ларисы Васильевны снискали такую славу, что за рецептами к ней обращались даже столичные кондитеры. Правда, она всем отказывала, хранила секрет. И всегда готовила их сама, выгоняя из кухни прислугу.

Когда мне исполнилось двенадцать, Лариса Васильевна привлекла меня в помощницы.

- Не будь дурой, наблюдай, - сказала она. – И учись, если сообразительности хватит.

Я чистила орехи, взбивала белки и смотрела во все глаза. Записывать она ничего не позволяла, однако рецептуру я скоро выучила наизусть. А вот секрет разгадала недавно.

Ведьмовская сила хороша тем, что ее можно использовать на уровне интуиции. Безусловно, есть теоретическая база: состав зелий, порядок ритуалов, азбука рун. Но чем сильнее ведьма, тем проще ей колдовать без «костылей», силой желания.

Лариса Васильевна *хотела*, чтобы ее торты и пирожные нравились тем, от кого зависело благополучие ее мужа. Николай Петрович был прекрасным врачом и плохим дипломатом. Многим аристократам не нравилось, что он лечит и бедных, тратит на них время. Стараниями Ларисы Васильевны они меняли свое мнение и жертвовали деньги в благотворительный фонд, организованный ею же при больнице.

Ведьмовским премудростям Лариса Васильевна никогда не учила меня специально. Но во всех ее уроках, будь то этикет, готовка, шитье, музыка или нечто еще, присутствовал флёр

ведьмовства. Я поняла это не сразу. И полагала, что у меня достаточно времени, чтобы пережить всё ее мастерство, но смерть Николая Петровича изменила мою жизнь.

На похоронах Лариса Васильевна не проронила ни слезинки. Я заливалась слезами, а ее лицо оставалось бесстрастным. И, одновременно, неживым. Будто она умерла вместе с мужем, и лишь по какому-то недоразумению не лежит рядом с ним в соседнем гробу, а провожает в последний путь того, кого любила больше жизни.

Как оказалось, я почти не ошиблась.

На следующий день после похорон Лариса Васильевна позвала меня в кабинет Николая Петровича.

- Мне жаль, что приходится говорить тебе об этом сейчас, до твоего совершеннолетия, но откладывать разговор я не могу, - сухо сказала она, едва я уселась.

Она заняла место Николая Петровича за столом, и это выглядело так неестественно, так нелепо, что мне казалось, будто я сплю.

- Впрочем, до твоего восемнадцатилетия осталось немного, так что Николаша меня простит, - продолжала Лариса Васильевна. – Он не скрывал от тебя правду, просто ты была мала. Он щадил твои чувства. Хотел, чтобы ты росла, ощущая себя свободной и равной среди сверстников.

Свободной? По спине пробежал легкий холодок.

- Николаша дал тебе свою фамилию. Однако выкупить тебя ему не позволили.

Выку... Что?!

- Одно из условий твоего помилования, подписанного императором, - пояснила Лариса Васильевна. – Ты крепостная, Яромила. Государственная крепостная.

- Крепостное право отменили, - возразила я.

И поняла, что голос мой больше похож на писк полудохлой мыши.

- Отменили, - согласилась Лариса Васильевна. – Слово осталось. По сути, тебе ограничи свободу выбора. Ты прикреплена к государству, и это означает, что ты должна приносить ему пользу. Каким образом, решит император.

- После того, как мне исполнится восемнадцать?

Еще и во рту пересохло. Зря я расслабилась. Зря думала, что богиня ошиблась, что мне не придется бороться за право быть собой.

- Это не оговорено. Полагаю, когда появится необходимость, тебя призовут. Если появится, - уточнила Лариса Васильевна.

То есть, могут припомнить, кто я, а могут и забыть? На плохую память я не рассчитывала. С тех пор, как я поселилась в доме Николая Петровича, эсперы обо мне не вспоминали. И у меня не было необходимости связываться с Александром Ивановичем. Однако навряд ли он обо мне забыл.

- А как же... школа? – спросила я. – Там ведь видели мои документы.

- О, договориться с ними было несложно. Николаша и с директором гимназии договорился, и учебу оплатил. Так что в ближайшие два года тебе есть, где жить. И хватит времени, чтобы подумать, что делать дальше. Разумеется, если ты не понадобишься императору.

- Я ничего не понимаю, - призналась я. – Как... есть где жить? Мне нельзя здесь оставаться? Вы меня выгоняете?

- Яромила, успокойся. – Лариса Васильевна поморщилась. – Среднюю школу ты заканчиваешь через месяц, а гимназия находится в Санкт-Петербурге. Николаша решил, что тебе нужно учиться мастерству, развивать навыки. У тебя высокий уровень дара. Эта гимназия – лучшее заведение для одаренных девочек. Если хорошо проявишь себя, получишь стипендию на учебу в университете.

Это так неожиданно! Николай Петрович никогда не обсуждал со мной будущее. А я была уверена, что продолжу учиться здесь, что есть время обдумать, кем я хочу быть.

- Я не смогу о тебе заботиться, - продолжила Лариса Васильевна. – Даже если могла бы, то как? Замуж мне тебя не выдать. Кто захочет взять в жены такую, как ты? А учеба и профессия – твоя забота.

- Я могла бы... заботиться о вас... - пробормотала я.

Да, мы не любим друг друга, но ведь как-то ладим уже десять лет. И как она... тут одна? У нее же никого не осталось.

- Я скоро умру, - сказала Лариса Васильевна.

Прозвучало это обыденно и страшно одновременно. Я как-то сразу поверила, что так и будет, она *знает*, что умрет. И все же спросила:

- Почему? Что за...

- Помолчи, - перебила она. – Иначе не узнаешь правды. К тебе она не имеет никакого отношения, но я хочу, чтобы ты знала. Ты тоже ведьма, и ведьма сильная, хоть еще и не понимаешь этого. А молодые ведьмы бывают весьма глупыми. Тебе ведь рассказывали... историю нашей с Николашей любви?

- Ну... я слышала... - призналась я, так как она ждала ответ.

Лариса Васильевна удовлетворенно кивнула.

- А теперь послушай правду, - сказала она.

Глава 15

Юная Ларочка Забельская воспитывалась в строгости, казавшейся старомодной. В возрасте шести лет ее отдали на обучение в закрытую школу для благородных девиц. Десять лет она провела там, возвращаясь домой лишь на короткие новогодние каникулы. На лето Ларочку отправляли за границу, в такие же закрытые школы для девочек, чтобы совершенствовать иностранные языки: немецкий, французский, английский, итальянский. Она изучала музыку и балльные танцы, литературу и живопись. Особое внимание в закрытой школе уделяли домоводству. Девочек учили готовить, рукодельничать, вести хозяйство.

Родители знали, что Ларочка уродилась ведьмой. Ведьмами были ее прабабушка и бабушка по материнской линии. Род отца магическими способностями похвастаться не мог, и оба старших брата Ларочки получились вполне обычными людьми. Впрочем, один сделал карьеру при дворе, служа в личной охране императора. Другой же стал художником.

Ларочка – поздний ребенок, и разница с братьями в десять лет сделала дружбу с ними невозможной. Учеба в закрытой школе, и вовсе, ограждала ее от знакомства с мужчинами. Ларочку готовили к выгодному замужеству, наивность и невинность должны были повысить ее цену. Как она поняла позже, отец испытывал финансовые трудности, а оба сына ничем не могли помочь роду. Художники бедные по определению, военные же – госслужащие, на жалование дела рода не поправят.

Когда Ларочке исполнилось шестнадцать, она вернулась домой. И почти сразу уехала вновь, на сей раз в Екатеринодар, к тетке. Там, по замыслу отца, она должна была познакомиться с губернатором, богатым вдовцом в поисках молодой супруги. И сделать так, чтобы он захотел жениться на Ларочке.

Дар ведьмы ей развивать не позволяли, но и не блокировали его. Воспользоваться приворотом, *неосознанно*, разве это преступление?

Папенька не учел одного: ведьма с неконтролируемым даром, вырвавшаяся на свободу, становится неуправляемой.

Ларочка влюбилась. Но не в губернатора, а в молодого студента-медика. Встретились они совершенно случайно, в библиотеке. Ларочка зашла туда по поручению тетушки. Ждала, когда подберут нужные книги. А Никола Михайлов заскочил туда по пути, за новым номером медицинского журнала.

Высокий красавец с модными усиками сразил юную неискушенную барышню наповал, не ударив пальцем о палец. Он ее, собственно, и не заметил, увлеченный своим журналом. Ларочка подошла к нему сама, поборов природную скромность. И строгое воспитание не уберегло ее от столь опрометчивого шага.

Ларочке пришлось пустить в ход ведьминское обаяние, чтобы уговорить Никола на встречу. Он пригласил ее сам, она лишь чуточку помогла ему решиться.

Обманывать тетушку было просто. Ларочка говорила ей, что идет в церковь. Или вовсе сбегала, подкупая прислугу. А с Никола они... гуляли. По Александровскому бульвару, по городскому саду, по Чистяковской роще, по Кубанской набережной. Никола угощал Ларочку мороженым и развлекал медицинскими анекдотами. И длилось это недолго, всего-то пару недель. Потом Ларочка получила известие, что родители едут в Екатеринодар, так как папеньку беспокоило, что губернатор до сих пор не сделал Ларочке предложение.

Да она и думать забыла о губернаторе! Однако и Никола не спешил назвать ее своей. И Ларочка... опять помогла. Но на сей раз так, чтобы наверняка. Папенька не оставил ей выбора. Ларочка прекрасно понимала, что по приезду родителей о Никола придется забыть навсегда.

Ритуал... Он был несложным, но из запрещенных. Не просто приворот, привязка. Ларочка нашла описание в старой книге из тетушкиной библиотеки. Как она туда попала?

Загадка, которая Ларочку ничуть не волновала. Хватило волоска, незаметно снятого с рукава рубашки. И капельки собственной крови. Главное, Ларочка *желала*, чтобы их с Николая судьба переплелись воедино. Желала всем сердцем, искренне, неистово.

Приворот сработал. Николая предложил побег, Ларочка согласилась. Они обвенчались тайно. И... был скандал. Папенька отрекся от дочери. И родители Николая крупно поссорились с сыном, невестку не приняли.

Михайловы уехали в Москву, едва Николая стал дипломированным врачом. Он был весьма одаренным юношей, потому получил приглашение пройти ординатуру при императорской детской клинической больнице. И поначалу было сложно, но они справились. Сын у них родился. И все наладилось. Только...

- Глупой я была, - сказала Лариса Васильевна. – Не понимала, что у всего есть своя цена. Юрочка совсем молодым погиб, а я все думаю, что в том моя вина. Нельзя красть чужое счастье. Я же Николашу... увела. Невеста его в станице ждала. Я того не знала, но...

Она зябко повела плечами. Я же молчала, боясь даже дышать. И ведь десять лет рядом прожила, а ни о чем таком и не догадывалась.

- Наши с Николашей судьбы связаны. Умер он, умру и я. Скоро. Так правильно. И это мой последний урок, Яромила.

Лариса Васильевна вздохнула и взглянула на меня как-то иначе.

- От нас тебе в наследство ничего не останется. Дом не наш, его Николаше в пожизненное пользование выделили. Деньги и драгоценности я церкви жертвую. Но, как я уже сказала, учеба твоя оплачена. И содержание на время учебы. Забрать эти деньги ты не сможешь. И еще вот...

- Она положила мне на колени узкую бархатную коробочку. – Это от меня. На память. Взгляни.

В коробочке лежал браслет. Причудливое плетение: колечки из обычного золота чередовались с колечками из зеленого металла.

- Это зеленое золото, - сказала Лариса Васильевна. – На замке – клеймо императорского двора. Этот браслет подарили моему брату. Подозреваю, что была у него любовница из императорской семьи. Брат отдал браслет мне. Я же оставляю тебе. Это все твое наследство, Яромила. Распорядись им с умом.

Она ошибалась. В наследство от четы Михайловых я получила гораздо больше. Право носить их фамилию. Десять лет спокойной жизни. Бескорыстную доброту Николая Петровича. И бесценные уроки его жены.

Словно выполняя последнюю волю мужа, Лариса Васильевна дотянула до моего дня рождения. Восемнадцатилетие – неполное совершеннолетие по местным законам. Можно жить отдельно от родителей, уезжать из города без их согласия, устраиваться на работу. То есть, мне больше не нужны опекуны. Однако моим официальным «опекуном», а попросту говоря, хозяином, является император. Когда мне исполнится двадцать один год, ничего не изменится. Разве что мне как-то удастся выкупить себя у государства.

Об этом придется подумать позже.

Я попрощалась с Ларисой Васильевной. Хоронить ее помогали друзья Николая Петровича. Но одевала ее я: так, как она хотела выглядеть, встретившись со своим Николаем-Николашей. Те же друзья договорились о том, что дом я освобожу через месяц после похорон и помогли купить билет до Санкт-Петербурга.

Я уехала бы раньше. Собрать вещи недолго, их у меня немного, включая зимние. Однако пансион при гимназии принимал иногородних учениц с определенного числа. К этой дате я и отправилась... покорять столицу.

Глава 16

Ехала я налегке, со спортивной сумкой на плече. Багаж отправила отдельно, и доставить его по адресу должны на следующий день после моего приезда. В сумку я положила смену белья, гигиенические принадлежности и зонт. Если верить прогнозу погоды, в Петербурге шел дождь.

Лариса Васильевна не одобрила бы мой внешний вид. Я облачилась в джинсы и рубашку, а волосы оставила распущенными. Все это она называла моветоном. И, наверняка, пришла бы в ужас, если бы узнала, что модные синие штаны из джинсы и рубашку из такого же материала подарил мне Николай Петрович. Я еще удивлялась, глупая, почему он сказал, что эта одежда пригодится мне во время учебы.

В моем гардеробе было еще несколько модных вещичек. Их я купила сама, мне давали деньги на карманные расходы. Кроме брюк, Лариса Васильевна не одобряла мини-юбки и спортивный стиль в повседневности. Она не желала понимать, что я хочу выглядеть так, как мои сверстницы, не выделяясь из толпы. Спасала ученическая форма, но на школьные вечера она оправляла меня одетой, как в театр. Поэтому я брала что-то из купленной «запрещенки» с собой и переодевалась в туалете.

Мне казалось, что будет тяжело вновь переживать детство, отрочество и юность. Подчиняться правилам, ходить в школу, учить уроки. Но поначалу я успокаивала себя тем, что так безопаснее. Я изучала незнакомый для меня мир постепенно, не боялась ошибиться, выдать себя. А потом привыкла.

Учиться было интересно. И легко. Я подробно занималась историей, географией, литературой, языками. В прежней жизни из иностранных языков я знала лишь английский, здесь же, не без помощи Ларисы Васильевны, осилила французский и немецкий. Математика, физика и химия ничуть не отличались от того, к чему я привыкла, и им я почти не уделяла внимания. Возможно, поэтому Николай Петрович решил, что у меня тяга к гуманитарным наукам, и определил в гимназию.

Больше всего мне нравилось изучать магию. В основном, теорию, практики у нас было мало. Считалось, что дар сильнее раскрывается к совершеннолетию, тогда и следует выбрать направление и оттачивать навыки. И далеко не все в классе были одаренными. Однако теорию преподавали всем.

Кроме природной ведьминской силы я научилась пользоваться магией стихий. Знала, как создать огненный или водяной шар, как управлять потоками воздуха или големом, умела создавать щиты и собирать энергию даже из камней. Также освоила основы системной магии, самостоятельно, но без практики. Системку преподавали в высших учебных заведениях.

А вот об эсперах не узнала ничего нового. Да, редкий дар. Да, только у мужчин. И даже в истории ни слова о том, когда люди научились ходить через Испод.

Удивляло, что Александр Иванович не объявился после смерти опекунов. Знает, что я никуда не денусь, что приеду в Петербург? Возможно. Или он как-то понял, что никакого дара эспера у меня нет и быть не может.

И это последнее, что меня сейчас волновало. Я начинала самостоятельную жизнь, ехала в незнакомый город. И я была крепостной Его Императорского Величества.

Последнее изрядно нервировало.

Его Величество Император, Всеслав Михайлович Романов, кротким нравом не отличался. Не тиран, вполне себе адекватный правитель, но не без придури. В народ любил хаживать, по молодости. Вроде бы даже в стройотряде работал целый месяц, никем не признанный. Или вот с пьянством боролся радикальными методами, опять же, в юные годы: велел вырубить все виноградники, а владение самогонным аппаратом приравнял к владению незарегистриро-

ванным оружием. И с домочадцами не церемонился: племянника не пожалел, когда того с наркотиками поймали, в тюрьму посадил. А сына родного сослал на Сахалин, простым матросом на рыболовецкое судно, за участие в уличных гонках.

Может, это и нормально для императора. Мне сравнивать было не с чем. И собственные перспективы я оценивала исходя из характера Всеслава Михайловича – взрывного, своенравного и непредсказуемого.

Опять же, ему ничего не стоило расправиться с целым боярским родом из-за мнимой вины его главы. Не может быть, что у императора нет плана, как меня использовать.

А что я могу? Что я могу... Что я могу...

Мысли в голове стучали в такт колесам. А ведь у любой медали две стороны. Я не хочу быть крепостной императора. Однако так встретиться с ним мне будет проще? Ведь только император может обелить имя моего отца.

В Петербурге шел дождь. Я могла бы взять такси, друг Николая Петровича и денег мне дал, на первое время. Но я решила экономить. Для начала выяснить бы, что означает «содержание», и смогу ли я устроиться на подработку. Поэтому к месту назначения я ехала на метро, а после – на автобусе. И оказалось, что пансион, где мне предстоит жить, находится в пригороде.

Везет же мне на домики, утопающие в зелени сада! Этот, безусловно, отличался от московского. Хотя бы тем, что имел два этажа.

Меня встретила хозяйка, женщина лет сорока, с гладко зачесанными волосами, собранными в пучок на затылке, в домашнем платье и переднике.

- Мы живем на первом этаже, комнаты для гостей – на втором, - сказала она. – Там же ваша ванная комната. Лестница ведет наверх из прихожей, нет необходимости заходить на нашу территорию. За исключением времени, отведенного на завтрак и ужин. Обедать будешь в гимназии.

Антонина Юрьевна, так звали хозяйку, показала мне столовую. Муж ее, как я поняла, находился на работе, а обе дочери отдыхали в летнем детском лагере.

- У меня пятеро постоялиц, - говорила она, поднимаясь по лестнице. – Новеньких двое, ты приехала первой. Комнат три. Для тебя забронировали отдельную.

Глаза наполнились слезами. Николай Петрович и об этом успел позаботиться! Знал, что мне будет сложно делить с кем-то личное пространство.

Я точно знала, что мои опекуны никогда не посещали столицу. Полагаю, это из-за того, что аристократическое общество их отвергло. Летом мы вместе отправлялись на отдых. Лариса Васильевна обожала Рицу, Николай Петрович – Кисловодск. Две недели мы проводили на Черном море, две – на Кавказе. А в Петербург не ездили никогда.

И как же он нашел для меня такое чудесное место? Здесь тихо, чисто и уютно. Комната без излишеств: шкаф для одежды, кровать и стол для занятий, вот и вся мебель. Ни телевизора, ни телефона. Антонина Юрьевна сказала, что телевизор нам ни к чему, он отвлекает от учебы. А телефоном можно пользоваться в случае необходимости, но не для того, чтобы болтать ни о чем.

Три моих соседки, ученицы второго курса гимназии, каникулы проводили дома. Другая первокурсница должна появиться послезавтра. Нам с ней, в отличие от старших, есть чем заняться до начала учебного года. Надо съездить в учебную часть, получить пропуск и форму, взять книги в библиотеке, составить расписание. Часть предметов обязательные, часть – по выбору.

- Пока учеба не началась, можешь обедать у меня, - сказала Антонина Юрьевна. – Бесплатно. И вообще, не стесняйся, обращайся, если что нужно.

- Почему? – спросила я.

Может, это и невежливо, но... ведь неспроста? Она не могла не видеть мои настоящие документы.

- Николай Петрович. – Она грустно улыбнулась. – Царствие ему небесное. Он меня вылечил. Неужто я его внучке не помогу?

- Приемной внучке...

- Да без разницы.

Что-то такое я и подозревала.

В тот день я никуда не пошла, устала с дороги. Да и погода к прогулкам не располагала. А на следующий день решила, что гимназия подождет. Вернее, я подожду другую новенькую, вместе веселее. Свободный же день потрачу на то, чтобы прогуляться по центру города. Благо дождь, наконец, закончился, и выглянуло солнышко.

Глава 17

По-настоящему сложно было привыкнуть к тому, что здесь нет смартфонов и компьютеров. Последние уже изобрели, но они сильно отличались от привычных мне устройств, не говоря о том, что доступ к ним имели лишь специалисты. Поэтому, чтобы не заблудиться в незнакомом городе, пришлось брать с собой обычную бумажную карту.

Куда пойти, я не знала. Хотелось просто посмотреть город, в котором мне предстояло жить в ближайшие два года, познакомиться с ним. Так почему бы не начать с центра?

Зимний дворец императорская семья давно оставила. Основная резиденция Романовых – в Царском селе, а дворец передали художественному и культурно-историческому музею. Вслед за Романовыми боярские и княжеские рода отказались от «родовых гнезд», и центр Санкт-Петербурга превратился в огромный музейный комплекс из дворцов и парков, открытых для туристов. За исключением нескольких зданий, вроде того, где располагалась Дума.

В музеи меня не тянуло. Я просто гуляла: по площадям и набережным, по улицам и паркам. Пыталась проникнуться атмосферой, почувствовать дыхание города. Но, наверное, я выбирала неправильные места. Дворцы и особняки, бывшие резиденции бояр и князей, поражали великолепием. Но и только. А, может, мешала суета. И туристы.

Из центра я сбежала, наугад выбрав направление. Долго шла, сильно устала и при-смотрела кафе, чтобы перекусить. Обычное, как мне показалось, кафе с неброской вывеской «Пышка». Во-первых, о знаменитых петербургских пышках я и в Москве слышала. Во-вторых, стало любопытно, каков на вкус бочковой кофе.

Дверь я толкнула, но дальше предбанника попасть не удалось. Швейцар в ливрее смерил меня слегка удивленным взглядом.

- Э-э-э... Барышня? – спросил он, будто не понимал, как относиться к моему появлению.

- Я могу пройти? – поинтересовалась я, заподозрив, что зашла куда-то не туда.

- К какому роду вы принадлежите?

Швейцар определенно не хотел меня пропускать. Однако... принадлежность к роду? С таким я столкнулась впервые.

- Это обязательно? – огрызнулась я, уже понимая, что придется уйти.

И поискать место, куда пускают всех, а не только отпрысков дворянско-боярских родов.

- Просто покажите знак рода, - попросил швейцар.

В его голосе прорезались извиняющиеся нотки.

У каждого рода есть свой герб. Символ или знак рода – элемент герба, и располагался на запястье. Он появлялся и исчезал, повинуюсь магии крови. Вроде как татуировка, но не постоянная.

Естественно, я свой знак предъявить не могла. Его отобрали, когда мой род был уничтожен.

Я развернулась, чтобы уйти, и чуть не врезалась в мужчину, застывшего позади меня. Я не слышала, как он вошел.

- Прощу прощения, - пробормотала я, пытаясь его обойти.

- Ты куда, рыжик?

Меня грубо схватили за руку. Я в гневе подняла взгляд. Мужчина, но молодой. Может, даже мой ровесник. Блондин с голубыми глазами и ямочками на щеках. Не просто красивый, а уверенный в своей неотразимости.

Я дернулась, но он лишь сильнее сжал пальцы.

- Она со мной, - сказал он швейцару и потащил меня внутрь.

- Что вы себе... - зашипела я в раздражении.

Договорить не успела.

- Да ладно, - бросил блондин. – Ты же хотела сюда попасть. Так чего ломаешься?
- Я не знала, что это кафе только для аристократов!

И чего я злюсь? Хотя... Нет, злость понятна. Но вот отчего веду себя так глупо? Ведь могу вырваться. Могу уйти. Могу даже врезать этому блондину по... Короче, могу. Но предпочитаю огрызаться. И позволяю ему держать меня за руку.

Еще одна особенность моего детства в этом мире: я перестала чувствовать себя взрослой. Во всяком случае, когда это касалось отношений с мужчинами. Маленькая Яра уже не воспринимала мальчишек-сверстников, как мелкоту, и на старших не заглядывалась. Как-то... не до того было, что ли? А еще я училась в школе для девочек и с мальчишками общалась редко. Возможно, если бы не события последних месяцев, я задумалась бы о романтических отношениях. Все же... возраст. Гормоны, опять же.

И не потому ли сейчас, столкнувшись с мужской особью, не обделенной природным обаянием, я чувствую... влечение?!

Только не это.

- Отпусти! – рывкнула я, выворачиваясь.
- Ты чего? – опешил блондин.

Несколько столиков в кафе были заняты. Все посетители развернулись в нашу сторону и уставились на меня. Молодежь. Старшеклассники или студенты. Золотая аристократия.

- Савка, ты кого притащил? – поинтересовалась одна из девиц.

Тоже блондинка. Холеная, с высокомерным взглядом и презрительной усмешкой на губах.

- Рыжика, - жизнерадостно ответил блондин. – И она приезжая. То, что нам нужно!
 - Приезжая? – переспросила девушка, сидящая рядом с блондинкой. – Рыжик, ты откуда?
- Я молча двинулась к выходу. Это ж надо так вляпаться! Пышек захотелось, с бочковым кофе. И вот...

- Да погоди! Не уходи!

Мне наперерез кинулись сразу несколько молодых людей. И блондин Савка в их числе.

- Останься! Мы все объясним! Ты нам нужна! – затараторили они наперебой.

Моей стратегической ошибкой стало то, что я им ответила.

- А вы мне – нет, - отрезала я, пытаюсь пробиться к выходу.

Лучше бы огненным шаром в них швырнула. Сошло бы за самооборону. К тому же, они его отбили бы, а я успела б улизнуть в суматохе.

Но я ответила, завязалась словесная перепалка, и в итоге я обнаружила, что сижу за столиком, а передо мной стоят вазочка с пончиками и чашка с кофе. Видимо, тем самым, бочковым.

- Угощайся, - медовым голосом пел блондин, севший справа от меня. – Прости, мы тебя напугали.

По другую сторону уселся темноволосый парень в очках, напротив – еще двое, ничем не примечательной наружности. Девушки остались за соседним столиком.

- Вы меня разозлили, - возразила я. – И у вас есть пять минут, чтобы объяснить, зачем я вам понадобилась.

К угощению я не притронулась. Туда и подмешать что-нибудь могли.

- Савелий Бестужев, - представился блондин, поднимаясь и отвешивая поклон.
- Зиновий Лопухин, - последовал его примеру тот, что в очках.
- Петр Вельяминов.
- Александр Головин.

Это я удачно зашла. Не удивлюсь, если среди оставшихся посетителей кафе есть отпрыски из всех родов боярской семерки. И что это? Случай или новый раунд игры богов?

Пытаясь разобраться в том, кому понадобилось уничтожить род Морозовых, я долго обдумывала разные версии. Бояре Морозовы входили в семерку самых влиятельных родов империи. После казни отца их место заняли Бестужевы. И, казалось, виновный найден. Однако навряд ли все так очевидно. Бестужевых кто-то рекомендовал. И, наверняка, были и другие претенденты.

Такую информацию в архивах не найти. И делятся ею неохотно даже внутри семерки. Так что я всерьез размышляла о том, как бы познакомиться с кем-то из тех же Бестужевых, например. И не просто познакомиться – подружиться, войти в доверие. Стать своей.

И вот, пожалуйста. Отпрыски боярских родов, собственной персоной. И, что примечательно, им от меня что-то надо.

Навряд ли это что-то приличное. Избалованные детки любят шутить над простолюдинами. Но если я им подыграю... Или сыграю по своим правилам...

- Яромила Михайлова, - представилась я, в свою очередь.

И чуть не прыснула, представив, как вытянулись бы их лица, если бы я произнесла свою настоящую фамилию.

Глава 18

В пять минут Савушка Бестужев не уложился, но суть я уловила сразу. В моей прошлой жизни молодежь развлекалась пранками, используя дипфейки. Детки из местных аристократических семей занимались тем же самым, но за неимением высоких технологий привлекали к розыгрышам обычных людей.

Если верить Бестужеву, то от меня требовался пустяк: притвориться иностранкой, представляясь какому-то высокородному дедушке.

- Выучишь пару-тройку фраз на французском, я помогу, - убеждал он. - Нарядом обеспечим, девчонки помогут. Поздороваетесь, спросишь, как дела – и всё!

- Всё? – скептически поинтересовалась я. – Вы предлагаете мне выдать себя за другого человека. То есть, обмануть... кого? Я имя не расслышала.

- Боярина Лопухина, - ответил Бестужев.

- Твой дедушка? – Я посмотрела на Зиновия.

- Прадедушка, - признался он. – Двоюродный.

- Ой, да какой обман, - засуетился Бестужев. – Так, невинная шутка. Вы и встретитесь-то один раз. Ты же приезжая. Кстати, откуда?

- Кстати, почему ты так решил? – Я скрестила на груди руки. – Ты всех девушек в городе знаешь? Или у меня на лбу написано?

- На лбу, - фыркнули за соседним столиком. – Большими буквами.

В разговор вступила блондинка, и Бестужев ее представил.

- Ольга Романова, - сказал он. И, наклонившись к моему уху, громко прошептал: - Не однофамилица, из тех... самых.

Веселится, засранец. А на вопрос так и не ответил. Ничего, я упрямая.

- И что во мне не так? – настаивала я. – Одета не по-столичному? Акцент деревенский?

- Нет. – Ольга снисходительно улыбнулась. – Одета ты прилично. Не для светского раута, разумеется, но и мы тут не на званом вечере. И акцента нет. Была бы ты местной, не сунулась бы в «Пышку». Здесь все знают, что это наше место.

Могла бы и сама догадаться. Ведь швейцар на входе требовал показать знак рода.

Подружки Ольги захихикали.

- Что ж, теперь и я буду знать, - произнесла я невозмутимо. – Приехала я из Москвы. К великим родам, как вы поняли, не принадлежу. И нет, вы не убедили меня в том, что я должна принять участие в вашем представлении.

Краем глаза я заметила, что одна из подружек Ольги как-то странно на меня посмотрела. Удивленно. Перевела взгляд на свои руки – и вновь уставилась на меня. Не могла она меня узнать. Мы с ней никогда не встречались.

- Милочка, душа моя! – воодушевленно воскликнул Бестужев. – И почему...

- Яра, - сухо обронила я, перебивая. – Или Яромила. И, вообще, можно без театральной щины? Я осознаю разницу между мной и вами. Однако я зашла сюда случайно, и не обязана выполнять ваши прихоти. Или рассказывайте подробности, или ищите другую дурочку.

- Какие подробности тебе нужны? – спросил Вельяминов.

- Как минимум, зачем вам понадобилось обманывать старика, - отрезала я.

Если я хочу стать частью их компании, надо соглашаться. При иных обстоятельствах никто из них и разговаривать со мной не стал бы. Меня попросту им не представили бы. Однако, если соглашусь сразу, если покажу свою заинтересованность, то этот разговор в кафе станет единственным. Они используют меня – и забудут.

Мальчишки переглянулись.

- Не, я пас, - сказал Бестужев. – Другую ищите сами. Я умаялся за рыжими бегать.

- А никто тебя за язык не тянул, - пробурчал Вельяминов.
- Да кто ж знал, - вздохнул Бестужев. – И чем вас эта не устраивает?
- Нас устраивает, - возразил Лопухин. – Это мы ее не устраиваем.

Пока они перепирались, я все же добралась до пышек. Проверить еду на наличие «добавок» - дело нехитрое. Не хотелось делать это открыто. А так, под шумок, пока мальчики спят...

Чуть теплые пышки, обильно посыпанные сахарной пудрой, были хороши.

- Да предложите ей денег, - вмешалась Ольга.

На меня вновь уставились четыре пары глаз.

Я медленно доела пышку, вытерла пальцы салфеткой, встала. На деревянной доске, стоящей возле прилавка, мелом написали меню и цены. Быстро посчитав, сколько стоит одна пышка, я извлекла монетку из кошелька и положила ее на стол.

- Яра! Яра! – всполошились отпрыски великих родов. – Не надо! Ты не так поняла!

Нет, тут определенно нечисто. Не стали бы они уговаривать какую-то простолюдинку без острой необходимости.

Мысль о том, что я могла бы стать одной из них, шарахнула по темечку неожиданно. Мы ровесники, или около того. И я вполне могла бы быть своей в этой компании, если бы осталась боярышней Морозовой. Олечка Романова не кривилась бы, глядя на меня. А Савушка Бестужев, и вовсе, мог за мной ухлестывать.

Отчего-то меня затошнило.

Впрочем, боярышней Морозовой была не я, а Яромила. До того, как я стала ею. Так что...

- Яра, может, прогуляемся? – предложила вдруг Ольга.

Ее презрительная усмешка исчезла. Зато появилась улыбка, которую вполне можно назвать искренней.

- И зачем мне с тобой гулять? – спросила я.

В кафе вновь наступила гробовая тишина. Ольга – не из великих княжон. Я знала генеалогическое древо Романовых наизусть. И семи боярских родов, стоящих у трона – тоже. Ольга – дальняя родственница Романовых, между ней и императором – длинная череда из двоюродных и троюродных родственников. Однако она и присутствующие здесь определенно привыкли к тому, что простолюдины выполняют их желания по щелчку пальцев.

- Поговорим, - ответила Ольга. – Я расскажу тебе правду.
- Оль... - Бестужев отчего-то нахмурился. – Я же обещал, что все улажу.
- Ты ее нашел. – Ольга решительно поднялась. – Спасибо. Дальше я сама.
- Да как хочешь, - пробурчал Бестужев.

Ольга направилась к выходу, уверенная, что я пойду следом. Я ее ожиданий не обманула. Скажет она правду или солжет, но устраивать сцену, капризничать и показывать характер сейчас не время. Хочет поговорить? Отлично. Я могу ее выслушать.

- Яра, прости, - произнесла Ольга, едва мы вышли на улицу. – Я подумала, что тебя можно купить. Прошу прощение за оскорбление.

Не знаю, извинялась ли она искренне или играла, но меня проняло. Неожиданно. Не похоже, что Ольга их тех, кому легко признавать свои промахи. Скорее, она верит в то, что никогда не ошибается.

Это же как я ей нужна, если...

- Извинения приняты, ваша светлость.

Оскорбила она меня при всех, а прощения попросила наедине. Но я решила не вредничать. И даже польстила. Не «светлость» она, а «сиятельство».

- Ой, ты что... не надо так официально, - вроде бы смутилась Ольга. – Можно по имени. Оля. А ты в Петербург на каникулы приехала? К родственникам?

- Учиться, - коротко ответила я.

Мы медленно шли вдоль улицы.

- Да? – Ольга оживилась. – А где?

- Женская императорская гимназия для одаренных.

- Ого! – Она не скрывала изумления. – Так ты все же аристократка?

- Нет.

- Незаконнорожденная? Или из купцов?

- Я обязана отвечать?

- Нет. – Она ничуть не смутилась. – Просто любопытно. А уровень дара?

- Между шестеркой и семеркой. – Я уклонилась от прямого ответа. – Может, больше, давно не измеряли.

- Перед началом занятий измерят, - сказала она уверенно. – Я там же учусь, но в старшем классе.

Классов в гимназии всего два: младший и старший. И, получается, мы с ней почти ровесницы.

Мы добрались до сквера, и я решительно направилась к свободной лавочке. Еще немного, и хромать начну. Ольга безропотно уселась рядом.

- Это мне нужна помощь, - сказала она. – Мы играли в фанты, и мне досталось... это задание. Ты ничем не рискуешь. Прости, но в дом Лопухиных тебя ни при каких обстоятельствах не пригласят. То есть, никто не узнает, кто ты такая. А я... умею быть благодарной. Денег предлагать не буду, но как насчет... услуги? Любой услуги, в рамках приличий и моих возможностей.

Кажется, это слишком прекрасно, чтобы быть правдой.

Глава 19

С приступом жадности удалось справиться. Очень хотелось согласиться с предложением Ольги, не раздумывая. И прежняя я, скорее всего, рискнула бы всем ради услуги родственницы из императорского рода. Но Яра, воспитанная Ларисой Васильевной, не могла поступить опрометчиво.

Игра в фанты, глупое задание... Хорошо, если так. А что, если цель этого розыгрыша – не Лопухин? Посмеяться над стариком отпрыски боярских родов могут. Но не над тем, кто превосходит их по положению в обществе. Вероятно, посмеяться хотят надо мной. И, значит, планируют что-то, о чем мне не говорят.

Стать посмешищем ради дружбы с золотой молодежью? Не будет никакой дружбы, если я позволю себя унижить. Если помешаю планам – тоже. Так стоит ли соглашаться? А ведь я и о честном имени Николая Петровича должна помнить, если ношу его фамилию. Не хочется начинать жизнь в столице со скандала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.